

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

27234
63.76F

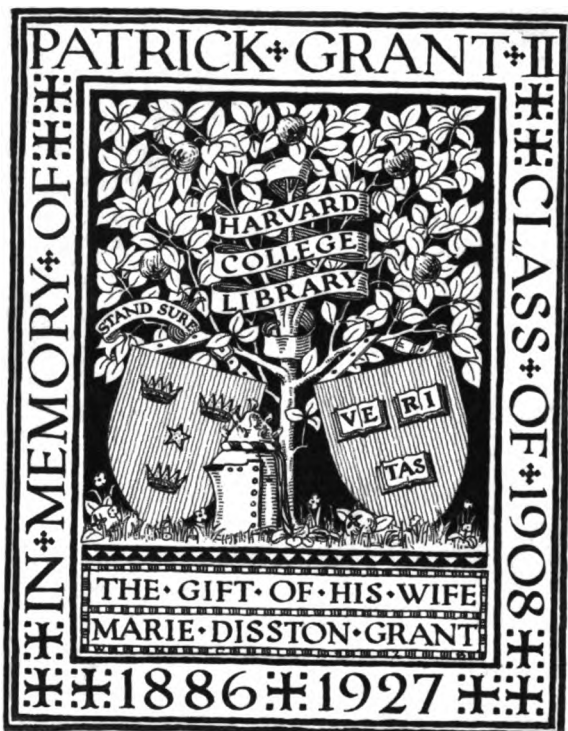
WIDENER

HN ZABS Z

ХАЛАНСКИЙ - МАРКО КРАЛЕВИЧЪ .

27234. 63. 76F

ЮЖНО-СЛАВЯНСКІЯ ПѢСНИ

○

СМЕРТИ МАРКА КРАЛЕВИЧА.

М. Халанскаго.

Отдѣльный оттискъ изъ «Сборника по славяновѣдѣнію» I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

1904.

Printed in R.

27234.63.76F

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Октябрь 1904 года. За Непремѣннаго Секретаря, Академикъ *А. Карпимскій*

Южно-славянскія пѣсни о смерти Марка Кралевича.

I. Пѣсни безъ историческихъ приуроченій. — 1. Мотивъ нечаяннаго убійства братомъ брата. — 2. Мотивъ убійства героя изъ ревности. — 3. Мотивъ смерти героя вслѣдствіе чрезмѣрнаго напряженія его силъ, вызваннаго борьбой съ врагомъ. — 4. Мотивъ убійства нелюбимаго пасынка злою мачехой. — 5. Мотивъ умерщвленія героя вилою. — 6. Мотивъ смерти нераскааннаго грѣшника. Отношеніе малорусскихъ сказаній о Маркѣ провлятомъ и бѣлорусскаго о Маркѣ богатырѣ къ пѣснямъ о Маркѣ Кралевичѣ.

II. Пѣсни, содержащія приуроченія къ событіямъ южно-славянской исторіи. — 1. Сербская пѣсня о смерти Марка на Голешъ-планинѣ и малорусская дума о смерти Фёдора Безроднаго. — 2. Бѣгство Марка Кралевича съ поля Косовской битвы и исчезновеніе его. Отношеніе повѣсти о взятіи Царьграда турками къ славянскимъ пѣснямъ о гибели царствъ и богатырей. — 3. Пѣсня о смерти Марка Кралевича на Урвинъ-планинѣ и сказаніе *La Chanson de Roland* о смерти Роланда.

Заключеніе. — Къ исторіи южно-славянскаго эпического стиха.

Южно-славянскія пѣсни, относящіяся къ смерти «кряя Марка» или «Кралевича Марка» (ум. въ сраженіи съ румынами 10 окт. 1394 г. «при Ровинахъ» — что нынѣ село Ровинари въ сѣверо-западной части Румыніи, въ Горскомъ департаментѣ, на р. Джиулѣ) въ многочисленныхъ вариантахъ болѣе или менѣе стройныхъ въ художественномъ отношеніи излагаютъ нѣсколько основныхъ мотивовъ, извѣстныхъ и творчеству другихъ народовъ Европы.

Для удобства обозрѣнія я раздѣлилъ всѣ эти произведенія на двѣ группы. Къ первой относятся тѣ, которыя содержатъ эпическіе мотивы безъ приуроченій къ фактамъ политической исторіи Болгаріи и Сербіи, ко второй тѣ, въ которыхъ излагаются мотивы, приуроченные къ историческимъ событіямъ и мѣстностямъ, игравшимъ какую-либо роль въ исторіи южныхъ славянъ.

I.

Пѣсни безъ историческихъ приуроченій.

1. *Мотивъ нечаяннаго убійства братомъ брата.* Марка нечаянно убиваетъ родной братъ его, названный Милошемъ. Нгу. паг. р., изд. Matic. Нгу. I. 2. № 17. Сравнительныя параллели см. въ ~~чужд.~~ Соч. Южно-слав. сказанія о Кралевичѣ Маркѣ стр. 568—570 и Liebrecht Zur Volkskunde стр. 193 и 207.

2. *Мотивъ убійства героя изъ ревности.* Марка убиваетъ корсаръ («гусар») Никола въ горахъ, когда Марко проѣзжалъ вмѣстѣ со своей женой, которую Никола считалъ своей невѣстой. Этотъ мотивъ очень распространенъ въ поэзіи южныхъ славянъ (см. Южно-слав. сказанія о Кр. М. стр. 594—607). Жена Марка здѣсь представлена робкой, нерѣшительной, непринимающей ничьей стороны изъ двухъ борющихся за нее героевъ. Марко представленъ богатыремъ, имѣющимъ *три сердца*. (Тамъ же стр. 231, 260).

3. *Мотивъ смерти героя вслѣдствіе чрезмернаго напряженія его силъ, вызваннаго борьбой съ врагомъ.* Марко долго болѣетъ. Жена и мать оставляютъ его и отбѣгаютъ къ турецкому пашѣ, который начинаетъ хвастаться своимъ намѣреніемъ насильно «облюбить» и сестру Марка, не покинувшую его въ болѣзни. Узнавъ о похвалѣ паша отъ сестры, Марко выѣзжаетъ на бой съ нимъ. Трусливый паша убѣгаетъ, бросая на произволъ побѣдителя его жену и мать. Марко подвергаетъ измѣнницъ жестокому наказанію: разрѣзавъ груди, онъ продѣваетъ въ образовавшіяся отверстія ихъ руки и въ такомъ видѣ приводитъ ихъ домой. Вслѣдъ затѣмъ Марко умираетъ (Нгу. паг. р. изд. Matic. Нгу. I. 2, стр. 445). Въ этой хорватской пѣснѣ соединены два эпическихъ мотива, обыкновенно развиваемые въ южно-славянскомъ эпосѣ въ двухъ отдѣльныхъ группахъ пѣсенъ: а) мотивъ пѣсенъ о больномъ Дойчигѣ — такъ для краткости назовемъ одинъ — и б) мотивъ сказаній объ измѣнѣ мужу жены, взятой въ плѣнъ врагомъ (сравн. русскія былины объ Иванѣ Годиновичѣ, сербскія п. о бановичѣ Страхинѣ и друг.). Во многихъ вариантахъ второй группы мужъ сжигаетъ жену живой. Живучесть послѣдняго мотива въ народной поэзіи, мотива, несомнѣнно возникшаго на почвѣ международнаго устно-поэтического общенія, могла поддерживаться фактами реальной дѣйствительности, отражавшими темпераментъ обитателей юга Европы. Сравн. слѣдующій фактъ, о которомъ сообщена телеграмма въ Харьковской газетѣ «Южный Край» отъ 9 мая 1899 г. № 6302 изъ Симферополя: «8-го мая въ окрестностяхъ

Бахчисарая мужъ-татаривъ, заведя свою жену въ чужой садъ, облилъ ее керосиномъ и зажогъ. Несчастливая женщина сгорѣла. Причина преступленія ревность».

4. *Мотивъ убійства нелюбимаго пасынка злою мачехой.* Соннаго Марка убиваетъ мачеха и трупъ его бросаетъ въ воду. Нгу. паг. р. izd. Matic. Нгу. I. 2. 445—446.

5. *Мотивъ умерщвления героя вилою, мстящею за порчу ея достоянія.* Марка умерщвляетъ горная вила (вила планинкина) за то, что онъ замутилъ воду въ Дунаѣ, поя своего коня, и сорвалъ розу въ ея саду (ibid. № 72). Въ этой пѣснѣ мы имѣемъ примѣръ утилизаціи эпосомъ образовъ лирической и обрядовой поэзіи: мутить воду, пить или поить коня, рвать цвѣты, портить садъ, перевозить черезъ рѣку — образы, означающіе *любить, свататься* (Потебня, Обзоръ малорус. и сродн. п. т. II, стр. 449, 480, 488, 497 и друг.).

Въ связи съ символикой свадебныхъ и обрядовыхъ пѣсенъ, пользовавшихся воспоминаніемъ о старомъ бытовомъ фактѣ *перевоза*, какъ поэтическимъ образомъ, стоятъ пѣсни о Маркѣ и *вилъ-бродарицѣ*, въ нѣкоторомъ отношеніи сходныя съ отмѣченной, но и отличающіяся отъ нея своей развязкой: въ этихъ послѣднихъ Марко убиваетъ вилу (Южно-слав. сказ. о Кралевичѣ Маркѣ, стр. 202 слѣд.). Указанныя Калиной (Styduja, § 79) и Лавровымъ (Обзоръ, стр. 93) случаи взаимной мѣны звуковъ *л* и *р* въ памятникахъ болгарскаго языка даютъ, мнѣ кажется, основаніе для болѣе рѣшительнаго предположенія возможности происхожденія имени *вила* отъ лат. *vira*, чѣмъ это дѣлалось ранѣе (Преллеромъ, Потебней; ср. Южно-слав. сказ. о Крал. Маркѣ, 36).

6. *Мотивъ смерти нераскаляшагося грѣшника.* Мать спрашиваетъ Марка, тяжела ли земля надъ нимъ въ гробѣ, *Je li teška zemlja u grobu*, Марко отвѣчаетъ, что душѣ его очень тяжело, такъ какъ онъ несетъ наказаніе за прелюбодѣянія: пусть мать продастъ Шарца и вознаградитъ обезщепныхъ имъ дѣвушекъ (Нгу. п. р. izd. Matic. Нгу. I. 2, стр. 447).

Эта послѣдняя пѣсня принадлежитъ къ той группѣ сказаній о Маркѣ Кралевичѣ, въ которыхъ онъ изображается нераскаляннымъ грѣшникомъ и несчастнымъ человѣкомъ; эти пѣсни заходили въ старую Малороссію и отразились здѣсь въ преданіяхъ о Маркѣ Проклятомъ, теперь, кажется, исчезнувшихъ изъ памяти малорусскаго народа, но въ XVIII и нач. XIX в. еще жившихъ въ устномъ творествѣ, какъ свидѣтельствуемъ о томъ поэма Стороженка «Маркъ Проклятый» и предисловіе къ ней автора. Въ виду высказаннаго проф. Н. Ѳ. Сумцовымъ несогласія съ моимъ взглядомъ на отношеніе поэмы Стороженка «Марко Проклятый» къ южно-славянскому

эпосу о Маркѣ Краевичѣ (Разборъ Н. О. Сумцова моего сочин. Южно-слав. сказ. о Крал. Маркѣ. Харьковъ. 1895, стр. 5), въ виду повторенія взгляда Н. О. Сумцова г. Лободой уже съ большей рѣшительностью. (Рус. богат. эпосъ, стр. 213), въ виду слишкомъ, повидимому, гиперболическихъ представленій моихъ выводовъ, съ другой стороны, въ нѣкоторой части сербскаго общества (Ср. Е. Л. Марковъ, Путеш. по Сербіи Р. В. 1899 г., июль, стр. 106) я нахожу необходимымъ болѣе обстоятельно остановиться здѣсь на этомъ вопросѣ.

Я не «на слово повѣрилъ» Стороженку, что содержаніе его поэмы взято изъ устъ народа» (Лобода, *ibid.*), а подвергъ сравнительному изслѣдованію поэму Стороженка съ мотивами южно-слав. эпоса о Маркѣ Краевичѣ и указалъ въ ней, мнѣ казалось, довольно опредѣленно «долю народнаго вымысла» (Сумцовъ *ibid.*). Мнѣ и въ настоящее время кажется особенно знаменательнымъ сходство слѣдующихъ мотивовъ и чертъ въ поэмѣ Стороженка «Марко Проклятый» и въ южно-слав. сказаніяхъ о Маркѣ Краевичѣ.

а) Непокорность Марка Проклятаго родному отцу, проклятіе его роднымъ отцомъ и изгнаніе изъ родительскаго дома. Тѣже мотивы въ южно-слав. эпосѣ о Маркѣ Краевичѣ см. въ Южно-слав. сказ. о Крал. Маркѣ стр. 558, 559, 64.

б) Жена Марка Проклятаго вновь выходитъ замужъ въ отсутствіе своего мужа: тоже дѣлаетъ и жена Марка Краевича (Южно-слав. сказ. о Кр. М. стр. 636 и слѣд.).

в) Мать Марка Проклятаго была воиномъ въ запорожской Сѣчи (Марко Проклятый, поэма Стороженка. Одесса 1879 г., стр. 28): въ южно-слав. эпосѣ о Маркѣ воиномъ наряжаются жена и сестра Марка (Южно-слав. сказ. о Крал. Маркѣ, стр. 538, 572).

г) Въ VIII—X главахъ поэмы Стороженка рассказываетя о плѣненіи поляками запорожцевъ Кобзы, Остапа, Барыла и друг. и освобожденіи ихъ отъ повѣшенія Маркомъ Проклятымъ. Этотъ мотивъ развивается въ многихъ южно-слав. п., съ приуроченіемъ между прочимъ и къ Марку Краевичу (см. Южно-слав. п. о Крал. Маркѣ, стр. 529 слѣд.).

е) Марко Проклятый дѣйствуетъ противъ отступниковъ православія (М. П. 169): Марко Краевичъ также враждебно относится къ ренегатамъ (Южно-слав. сказ. о Крал. Маркѣ, 474).

ф) Марко Проклятый въ своихъ блужданіяхъ по свѣту заходилъ далеко на востокъ: былъ въ Иерусалимѣ, въ Персіи и въ землѣ Черныхъ араповъ (М. Прокл. 167—168): Марко Краевичъ обошелъ всю землю отъ востока до запада (Filipović, стр. 418), былъ и въ землѣ Черныхъ араповъ, т. е. Сарацинъ и воевалъ съ ними.

g) Марко Проклятый, проходя черезъ мѣста битвы запорожцевъ, хоронилъ трупы и кости казаковъ: збиравъ побитыхъ казаковъ, рывъ ямы и закопувавъ ихъ, прохарамаркавши надъ покойниками мольбту (М. Пр. 165). О той же чертѣ въ жизни и характерѣ Марка Кролевича говоритъ южно-слав. п. о битвѣ Марка съ арапомъ. Убивъ чернаго арапа, Марко

Све с авлије поскидао главе,
Па је главе саранио лепо,
Да ј' не кљују орли и гаврани.

(Filipov. Kral. Marko 352).

h) Марко Проклятый мало чувствителенъ къ наносимымъ ему ударамъ: и якъ тильки що якый зъ ихъ пидійде до Марка, щобъ ударить ёго, то вінъ стоить соби якъ укупаный, зъ мѣсця не ворухнетця, — того пхне рукою, а другого текне ципкомъ, або вхопить за чупрыну и стусане, то дакъ къ бису и гепнитця або покотитця... Позабывавъ имъ зовсимъ паморокы (163). Это напоминаетъ разсказъ серб. пѣсни о нечувствительности Марка къ ударамъ палицы: Филиппъ Мадьяринъ. —

Веће трже тешку топузину
Па удари Краљевића Марка,
Удари га у плећи јуначке,
Али Марко ни хабера нема,
Веће вели Вилип- Маџарину:
«Сједи с миром, маџарско копиле!
«Не буди ми по кожуху буха.

А когда Филиппъ разсердилъ наконецъ Марка, тогда онъ однимъ ударомъ сабли пересѣкъ его по поламъ (Вук Пјесме т. II, № 59).

i) Марко Проклятый убиваетъ свою мать (8, 36): тоже дѣлаетъ и Марко Кролевичъ (южно-слав. сказ. о Кр. М. стр. 558).

j) Марко Проклятый убиваетъ свою сестру (9, 36): тоже преступленіе южно-слав. пѣсни приписываютъ и Марку Кролевичу (Южно-слав. сказ. о Кр. М. стр. 581).

k) Марко Проклятый убиваетъ своего родного сына (34): Марко Кролевичъ также убиваетъ своего сына (южно-слав. сказ. о Кр. М. стр. 463) и даже съѣдаетъ (Ibid. 657).

l) Марко Проклятый живетъ съ своей сестрой, какъ съ женой (34): южно-славянскія пѣсни приурочиваютъ и къ Марку мотивъ кровосмѣшенія (брата съ сестрой), но даютъ ему счастливую развязку: Марко во время узнаетъ сестру (Южно-слав. сказ. о Кр. М. 453).

ш) Къ этимъ чертамъ сходства эпическихъ мотивовъ поэмы А. Сто-роженка и южно-слав. эпоса о Маркѣ нужно прибавить сходное описаніе наружности обоихъ Марковъ: (Марко Проклятый) зъ виду винъ и по одежи не геваль, не бурлака, а щось не просте: татарска кучма насунулась ёму на очи, нисъ закандзюбився, якъ у кобця, а довгенни сыви вусы ажъ до грудей доставалы. На плечахъ у ёго бувъ накинутый чорный подо-ляньскый кобенякъ и в верзунахъ, якъ обуваюцца въ Карпатскихъ горахъ гуцулы... Особенно характеренъ былъ взглядъ чорныхъ очей Марка Проклятаго: хижо зъ подлобья глянувъ на сичовыка. Страшно горили вирлооки ёго очи, неначе искры зъ нихъ посыпались... якъ списомъ шпигнуло (сичовика) тымъ поглядомъ, неначе холодна жеретія обвилась и здавила ёму сердце (Марко Проклятый стр. 4—5). Сравните съ этимъ опи-саніе наружности Марка Краевича и взгляда его очей въ сербскомъ эпосѣ: Марко Краевичъ —

Самур калпак на чело намаче
Те састави самур и обрве,
А потеже сабљу оковану,
На Богдана погледа попреко.
Стаде Богдан украј винограда,
Кад сагледа прне очи Марку
И какав је на очима Марко,
Под Богданом ноге обумреше.

(Filipović Kraljević Marko u narodnih pjesmah Zagr. 1880, стр. 51).

Другія пѣсни говорятъ о волчьей шапкѣ (Filipov. 239) и плащѣ изъ волчьей шкуры (ћурак) на Маркѣ (ibid. 220).

Когда увидѣла Марка сноха Вучи генерала,

Трољетна ју ухвати грозница;
Јунак није, какви су јунаци:
На плечима ћурак од курјака,
На глави му капа од курјака,
Привезо је мрком јеменијом. (Filipović, стр. 135).
А кад Марко угледа баницу,
Црнијем се осмехује брком,
Преваљује оком крвавајем,
Бијелијем пошкринује зубом.
Кад баница Марка сагледала,
Уплаши се — шинула је гуја, —
Па 'на пада у траву на главу (ibid. 182).

Када Марко у Једрене дође,
И на диван пред цара изиђе,
Очи му се бјеху узмутгле,
К'о у гладна у гори курјака,
Кад' погледа, кан' до муња сине. (Filipović 378).

Соглашаясь съ проф. Н. Θ. Сумцовымъ въ эстетической оцѣнкѣ произведенія Стороженка, именно, что это «искусственная и дѣланная повѣсть» (стр. 5 рецензій), я нахожу тѣмъ не менѣе, на основаніи приведенныхъ сравненій, что въ основу ея авторомъ положены дѣйствительно слышанныя имъ въ Малороссіи преданія о Маркѣ Проклятомъ, отражавшія соответствующія южно-славянскія сказанія о Маркѣ Кралевичѣ. Указаніемъ на то, что эти преданія дѣйствительно жили въ устахъ народа и что Стороженко могъ ихъ слышать, служитъ сохраненіе бѣлоруссами зашедшаго съ юга южно-славянскаго преданія о неудавшейся женитьбѣ Марка, передававшего сюжетъ болгарской пѣсни о Маркѣ и вдовѣ Никопской (Южно-слав. сказ. о Кр. Маркѣ, стр. 442). Вѣроятность захода южно-славянскихъ сказаній о Кралевичѣ Маркѣ въ Малороссію въ XVI—XVII в. доказывается еще фактомъ существованія у румынъ сказаній о Маркѣ, представляющихъ отраженія соответствующихъ южно-славянскихъ пѣсень, о чемъ ожидается спеціальныи трактатъ уважаемаго А. И. Яценко. Въ виду сказаннаго я не могу согласиться съ Н. Θ. Сумцовымъ, чтобы «кое-какіе народные элементы», заключающіеся «въ разсказѣ Стороженка», примыкали не къ южно-славянскимъ сказаніямъ о Маркѣ Кралевичѣ, а къ сказкамъ и повѣстямъ восточнымъ и ихъ западнымъ литературнымъ версіямъ» (стр. 5).

Изъ «западныхъ литературныхъ версій» Стороженко заимствовалъ мотивъ сходенія Марка Проклятаго въ адъ и «товчепья» его «по пеклу». Источникъ этого послѣдняго мотива указанъ (Петровъ Н. И. Очерки исторіи украинской литер. XIX ст. Кіевъ 1884 г. стр. 219); да ему соответствія и нѣтъ въ южно-славянскомъ эпосѣ о Маркѣ Кралевичѣ. «Едва ли не напрасны были тридцатилѣтніе поиски А. П. Стороженка за народными сказаніями о походе Марка Проклятаго, говор. Н. И. Петровъ. До сихъ поръ мы ничего не имѣемъ изъ устъ народа ни о какомъ Маркѣ, кромѣ Марка Богатаго, который однако же не имѣетъ никакого отношенія къ герою поэмы Стороженка. Типъ Марка Проклятаго созданъ у него подъ вліяніемъ сказаній о вѣчномъ жидѣ и, можетъ быть, на основаніи нѣкоторыхъ безыменныхъ разсказовъ о величайшемъ грѣшникѣ (ibid., стр. 219). Послѣ изданнаго Романовымъ бѣлорусскаго разсказа «Синій колодажъ» (Бѣлорус. Сборн. IV, 173) уже конечно нельзя говорить, что народъ не

знаетъ никакого другого Марка, кромѣ Марка Богатаго: въ бѣлорусскомъ разсказѣ выводится Марко «богатырь» въ чертахъ и положеніи, напоминающемъ именно Марка Краевича. Вліяніе литературныхъ сказаній о «Вѣчномъ жидѣ» на поэму Стороженка вполне вѣроятно. Что же касается вліянія «безыменныхъ легендарныхъ разсказовъ о величайшемъ грѣшникѣ», то и ихъ вліянія на созданіе Стороженкомъ типа Марка Проклятаго отрицать нельзя. Только вопреки Н. И. Петрову я на основаніи сравненія поэмы Стороженка съ южно-слав. пѣснями, полагаю, что это вліяніе первоначально сказалось уже въ южно-славянскомъ эпосѣ и отразилось въ измѣненіи самаго героическаго типа Марка Краевича. Сложившійся подъ ихъ вліяніемъ въ южно-славянскомъ эпосѣ образъ «несчастнаго» Марка Краевича отразился въ малорусскомъ творчествѣ казацкой поры; послѣднее дало матеріалъ и для поэмы Стороженка, какъ объ этомъ онъ самъ свидѣтельствуетъ въ предисловіи къ своему «выношенному подъ сердцемъ» произведенію. Многія историческія, бытовые, литературныя и народно-поэтическія данныя даютъ большое вѣроятіе предположенію о движеніи устно-поэтическаго матеріала изъ южно-славянскихъ странъ къ русскому югу и востоку. Казачество малорусское и великорусское, днѣпровское и донское, было несомнѣнно благодарной средой для славянской взаимности на этой почвѣ. Присутствіе южно-славянскаго эпическаго размѣра въ малорусскомъ творчествѣ несомнѣнно. Неоднократно приводилось свидѣтельство польскихъ писателей XVI—XVII в. о сербскихъ гайдукахъ и особенно о *serbskie skrzurki*, о сербскихъ гусярахъ, пѣвцахъ юнацкихъ пѣсенъ въ Польшѣ (Ягичъ о слав. нар. поэзіи Слав. Ежегодн. 1878 г., стр. 246)¹).

На почвѣ этой взаимности и могли возникнуть какъ изложенные факты, такъ и тотъ, къ разсмотрѣнію котораго мы приступаемъ.

II.

Пѣсни, содержащія приуроченія къ событіямъ южно-славянской исторіи.

1. *Сербская пѣсня о смерти Марка на Големъ-планинѣ и малорусская дума о смерти Федора Безроднаго.*

Среди пѣсенъ, найденныхъ въ рукописныхъ матеріалахъ, оставшихся послѣ смерти В. С. Караджича и вошедшихъ въ послѣднее изданіе его трудовъ (државно изданье), встрѣчается слѣдующая превосходная пѣсня о смерти Марка Краевича: Смрт Марка Краевича (Српске нар. пјесме, скуп. В. С. Караџић. кн. VI. Беогр. 1899. № 28).

1) Не могли ли тутъ имѣть вліяніе и сербскія поселенія XVIII в. на нашемъ югѣ? Ред.

Вылъ волкъ въ зеленомъ логу, каркаетъ воронъ на ели. Познали другъ друга по голосу и направились на встрѣчу другъ къ другу. Говорилъ воронъ черная птица: «эй ты, волкъ, лѣсной гайдукъ! Нѣтъ ли добычи? Нѣтъ ли мяса утолить мнѣ голодь?» Волкъ тихо отвѣчалъ ворону: «Богъ свидѣтель, другъ мой воронъ! Ничего я не добылъ. Нигдѣ мясомъ не разжился. Но, воронъ, мой старыи пріятель! лети ты межъ елей, вынюхивай по лѣсу запахъ крови, а я побѣгу зеленымъ доломъ, — авось счастье пошлетъ намъ добычу, и мы голодные набѣдимся мяса». Полетѣлъ воронъ межъ еловыхъ вѣтвей, побѣжалъ волкъ зеленымъ доломъ; каркаетъ воронъ, воетъ волкъ; наконецъ волкъ нашелъ на травѣ слѣды крови и позвалъ ворона, черную птицу: «Гой ты, воронъ, мой старыи пріятель! Вотъ кровца на травушкѣ, но не могу отгадать, чья она». Отвѣчалъ воронъ волку: «Гой ты, волкъ, лѣсной гайдукъ! Легко узнать, чья кровь. Если пахнетъ клеверомъ, такъ это, волкъ, кровь оленя, если сѣномъ и ячменемъ, то — коня, а если отдаетъ виномъ и табакомъ, то кровь юнака». Услышалъ это лютый звѣрь, сѣрый волкъ, и сталъ разнохивать кровцу: она отдавала виномъ и табакомъ. Говорилъ онъ черной птицѣ, ворону: «Воронъ птица, мой старыи другъ! Это — кровь юнака. Ты лѣтомъ лети, а я бѣгомъ побѣгу по кровавому слѣду: станемъ искать юнака». Полетѣлъ воронъ горой-лѣсомъ, нашелъ раненаго юнака въ черной пещерѣ, слетѣлъ на него, сталъ клювомъ пощипывать съ ногъ до головы и хотеть выклевать его черныя очи. Проговорилъ раненыи юнакъ: «прочь лети, зловѣщая птица! Клянусь Богомъ! Ударю тебя рукой по головѣ, — такъ и выскочатъ оба глаза!» Вылетѣлъ воронъ изъ пещеры и закаркалъ громко, что было силы, звалъ волка: «Гдѣ ты, волкъ, мой старыи гайдукъ! Вотъ конь и юнакъ. Юнака раны доконали. Иди, станемъ ѣсть его мясо!» Прибѣжалъ волкъ, увидѣлъ коня и юнака. Раненыи стонетъ въ пещерѣ, а волкъ пощипываетъ его зубомъ съ ногъ до головы. Раненыи юнакъ проговорилъ: «Отойди прочь, волкъ — горовикъ! Вотъ возьму каленую саблю да и разрублю тебя пополамъ. Довольно съ меня и моихъ ранъ!» Со злости волкъ выбѣжалъ изъ пещеры, а юнакъ сталъ говорить ворону: «Гой ты, воронъ, черная птица! Послушай ты меня ради цѣлости своихъ крыльевъ! Отнеси ты мое письмо на Косово поле къ Бѣлой церкви и передай его игумену Саввѣ: въ волю накормлю тебя мясомъ». Согласился воронъ. Марко накормилъ его мясомъ и отправилъ Саввѣ письмо, въ которомъ просилъ игумена поспѣшить на Голешъ-планину съ причастіемъ, пока онъ еще живъ, исповѣдать его и причастить. Получивъ письмо, Савва и съ нимъ 12 сербовъ-воеводъ отправились на Голешъ-планину и застали Марка еще въ живыхъ. Говорилъ игумень Савва Марку: «сынъ мой несчастный, *сабля* (= *негов.* см. Южно-славян. сказ. о Кр. М. 319) Марко

Крालичъ! Гдѣ и какъ ты раненъ, горе твоей матери?» — Смерть моя, духовный отче, Савва! Отпусти мнѣ мои прегрѣшенія и причасти меня. Простите воеводы, братья дорогіе. Берегите отъ турокъ свое достояніе (Чувајте се добро од турака!)» Причастилъ его игуменъ Савва. Вновь сталъ говорить Марко: «Перенесите меня къ церкви на Косовомъ полѣ. Игуменъ Савва! Отпусти мнѣ согрѣшенія, поминай меня, а за поминъ моей души возьми себѣ коня Шарца». Сказалъ это Марко и умеръ. Поразила его на смерть дѣвушка — горожанка (Уби њега са града ђевојка). Отъ горя воеводы испарали себѣ лица, а монахъ-игуменъ вырвалъ себѣ бороду. Положили сербы тѣло Марка на его коня Шарца, перевезли его на Косово поле, погребли у олтара церкви и воздвигли надъ его могилой мраморный памятникъ. Только что окончили они погребеніе Марка, какъ трижды проржалъ Шарацъ и умеръ вслѣдъ за Маркомъ Краевичемъ. Схоронили воеводы и Шарца и надъ его могилой также поставили мраморный столбъ. Скоро послѣ того турки покорили царство. Такъ оно было или нѣтъ, — бають люди, что такъ было. Помогите намъ, милосердый Боже!

Голешъ-планина отдѣляетъ Косово-поле отъ Подринья, Печьской и Дьяковицкой нахій, находится въ нѣсколькихъ часахъ пути къ сѣверо-западу отъ Приштины, за р. Ситницей. На Голешъ-планинѣ много надгробныхъ памятниковъ, поставленныхъ на могилахъ воиновъ, погибшихъ въ сраженіи на Косовомъ полѣ (Гильф. Сочин. III, 160—198).

«На поли томъ Косовѣ, говоритъ Ранчъ — со словъ хроники Бранковича: при холмѣ Голешъ, котораго корени рѣка Ситница подлизуетъ, сраженіе учинивше, унгарскіи вельможи съ воинствомъ своимъ изгибоша» въ 1448 г. (Исторія разныхъ слав. народовъ III, 197).

Такимъ образомъ сербскій эпосъ въ этой пѣснѣ смерть Марка связалъ съ историческимъ событіемъ 1448 года и приурочилъ къ мѣстности въ Старой Сербіи.

Намекъ пѣсни на убійство Марка дѣвушкой горожанкой, по поводу котораго Вукъ сдѣлалъ замѣчаніе: «Ја о томе никад више ништа нијесам чуо». (Срп. н. п. кн. VI, стр. 148 држ. издање), выясняется по сравненію съ пѣсней о смерти Рели Крылатаго, котораго подстрѣлила съ городской стѣны дѣвушка-сарацинка (Filipović, стр. 409. Сравни. Южно-слав. сказанія о Кр. Маркѣ, 144).

Изложенная пѣсня о смерти Марка на Голешъ-планинѣ состоитъ изъ двухъ частей: а) Запѣва, обнимающаго около 100 начальныхъ стиховъ и излагающаго мотивъ соглашенія двухъ хищниковъ изъ животнаго міра относительно совместнаго добыванія добычи и б) основного содержания пѣсни, состоящаго въ разсказѣ о положеніи смертельно раненаго героя

въ отдаленіи отъ товарищей и оказаніи ими послѣдняго долга умирающему или умершему.

Запѣвомъ или первой частью сербская пѣсня сближается во 1-хъ ео слѣдующей великорусской пѣсней, записанной Пивоваровымъ въ *Донской* области съ очевидными дефектами въ содержаніи:

Леталъ-то, леталъ младъ сизой орелъ по крутымъ горамъ,
Онъ летаючи состарился;
Пробивала у него сѣдинушка между рѣзвыхъ крылъ,
Побѣлѣла у него головушка ровно бѣлый снѣгъ,
Потусмѣли у него, сиза орла, очи ясныя,
Примахалъ сизой орелъ свои крылья рѣзвыя,
Обломалъ свои острые когти вплоть до пальчиковъ,
Прилетѣли ко сизу орлу три черныхъ ворона,
Прилетѣли къ нему и въ глаза глядятъ ему,
Во глаза-то глядятъ, ему рѣчи говорятъ:
«Полно, полно тебѣ, старъ сизой орелъ, по крупнымъ горамъ
летать,

«Гусей, лебедей бивать».

— Ахъ, кабы были мои прежнія залетныя крылышки,

— Мои крылья рѣзвыя, когти острые!

— Догналъ бы я всѣхъ васъ трехъ вороновъ,

— И избилъ бы я всѣхъ васъ вплоть до бѣла тѣла!»

Начали *молодца* (?) три черныхъ ворона клевать

И ретивое его сердце вынимать.

«Ахъ, гдѣ вы, братья товарищи, гдѣ вы подѣвалися?

«Или вы по крутымъ горамъ разлеталися?

во 2-хъ съ шотландской нар. балладой о трехъ или двухъ воронахъ (Child., I, № 26), нашедшей себѣ художественное выраженіе въ известномъ стихотвореніи Пушкина «Шотландская пѣсня»:

Воронъ къ ворову летить,

Воронъ ворону кричить:

Воронъ гдѣ-бъ намъ отобѣдать

Какъ бы намъ о томъ провѣдать? и т. д.

Вторая половина сербской пѣсни о смерти Марка на Голешъ-планинѣ, являющаяся вмѣстѣ съ тѣмъ главной частью всего ея содержанія, близко сходна съ малорусской думой о смерти Ѳедора Безроднаго въ степи. Насколько могу припомнить, до сихъ поръ, кажется, не было указано народно-поэтическихъ параллелей къ этой думѣ.

На днѣпровской или днѣстровской сагѣ, или на полѣ сраженія межъ трупами павшихъ, или на лугу Базавлугу или въ степи Самарской «під вербою покилою» лежитъ куренной атаманъ Запорожскій Федоръ Безродный, изнемогающій отъ смертельныхъ ранъ. Съ нимъ его конь и слуга. Чувствуя приближеніе кончины, Федоръ отдаетъ слугѣ своего коня и оружіе и проситъ его поѣхать къ казакамъ, явиться къ кошовому, атаману войсковому и сообщить ему о безнадежномъ положеніи Федора:

А мій пан лежить у лузі Базавлузі
 Постреляний и порубаний,
 На рани смертелни не змагає.
 Та прошу я милости вашої всенижающе
 У луг Базавлуг прибувати,
 Тіло козацькое, молодецькее
 У чистім поли знаходити й поховати,
 Звіру, птиці на поталу не подати.

Атаманъ посылаетъ къ Федору 50 казаковъ; они находятъ Федора уже мертвымъ. Клади казаки тѣло Федора на червоную китайку, обмывали,

А шаблями суходіл копали,
 А шапками да приполами перст выносили,
 Глибокую яму викопали,
 Хведора Безроднаго похоронили.
 Високою могилу висипали,
 И прапірок у головахъ устромили,
 І премудрому лицареві славу учинили.

(Антоновичъ и Драгомановъ Историч. п. малор. нар. I, 252—255).

Сходство между второй частью думы о смерти Федора Безроднаго и сербской пѣсней о смерти Марка на Голешъ-планинѣ въ общемъ планѣ ея, нѣкоторыхъ подробностяхъ и даже тонѣ разказа такъ значительно и очевидно, что едва-ли можетъ быть сомнѣніе въ единствѣ источника для обоихъ этихъ произведеній. Такимъ источникомъ могла быть кака-либо эпическая пѣсня, входившая въ обиходъ пѣвцовъ, сопровождавшихъ дружины ускоковъ и казаковъ. На счетъ этого общаго обиходнаго произведенія источника должны быть отнесены нѣкоторыя частности историко-бытового характера, присутствіе которыхъ въ малорусской думѣ давало поводъ издателямъ и комментаторамъ ея дѣлать кое-какіе выводы о времени ея происхожденія. «Запорожье въ ней является вполне организованнымъ» (Антоновичъ и Драгомановъ I, 253). Общественная организація

дается и въ сербской пѣснѣ, хотя, конечно, иная нежели въ малорусской думѣ: во главѣ сербовъ стоятъ воеводы и духовное лицо, пользующееся и свѣтской властью, какъ въ Черногоріи въ XVI—XVII в. Въ вар. В., говорятъ издатели малор. думъ: Замѣчательны стихи 45—46, показывающіе, что дума исполнялась среди старшины казацкой, когда она стала выдѣляться въ городахъ малороссійскихъ послѣ Хмѣльницкаго изъ казацкой массы (ibid. стр. 253). Антоновичъ и Драгомановъ имѣли въ виду слѣд. мѣсто вар. В. думы про Федора Безроднаго:

Козакъ Хведоръ Безрідний
 Безплемянний
 Померъ и поляг,
Слава ёю не вмере, не загине
Міждо нами
Народними головами,
 Покудова буде свѣтъ свѣтати
 І сонце сіяти,
 Будемъ славу его всегда прославляти (стр. 250—251).

Устраняя вопросъ о средѣ, въ которой и для которой былъ сложенъ первоначально славянскій героич. эпосъ (мы лично давно высказали по этому поводу взглядъ, противоположный тому, который руководитъ издателями мр. историч. пѣсенъ (см. Южно-славян. сказанія о кр. Маркѣ, стр. 167—176), нельзя не сопоставить даннаго мѣста думы съ сербской пѣсней о смерти Марка Кралевича, говорящей только «о народныхъ головахъ» сербовъ: 12 воеводъ и игуменъ идутъ къ Марку на Голешъ-планину; къ нимъ обращена полная скорби рѣчь игумена Саввы:

Тада Саво ријечъ проговара:
 «Прођ'те се, моја браћо драга!
 «Књига намъ је свијемъ жалостива

(т. е. то письмо, которое принесъ воронъ игумену Саввѣ отъ Марка Кралевича):

Није нама књига од мејдана,
 Но ми књига од кралића дође
 Изъ Голеша, зелене планине,
 Одъ јаднога краљевића Марка,
 Ево намъ је, браћо, погинуо,
 Но насъ моли и Богомъ насъ куми,
 Да идемо да га приватимо,

Да његово тјело упоамо:
 Куку нама, моја браћо драга,
 За јаднијем Краљевићем Марком,
 Што нам царство од турака брани.
 Ево има стотину година,
 Од како је Лазар погинуо
 И остали Срби свиколики,
 А брани га Марко за срамоту;
 Сад нам не ста Марка и Шарина;
 Свој крајини очи извадише,
 А Србији крила саломише (стр. 147).

Самъ атаманъ малорусской думы Федоръ *Безродный* «неизвѣстный исторіи» (Антонов. Драгоман. I, 255) своимъ прозваніемъ напоминаетъ Марка сербской пѣсни, представленнаго также безроднымъ, т. е. лишившимся или пережившимъ всѣхъ своихъ родныхъ.

2. *Блѣство Марка Краљевича съ поля Косовской битвы и исчезновеніе его.*

Въ нѣкоторыхъ болгаро-сербскихъ или сербско-болгарскихъ пѣсняхъ смерть Марка связывается съ Косовской битвой 1389 г. Извѣстно, что король Марко собственно не участвовалъ въ битвѣ турокъ съ сербами на Косовомъ полѣ 15 іюня 1389 г.; но устное творчество, подчиняясь закону ассоціаціи поэтическихъ образовъ, связало смерть излюбленнаго героя съ «погибелью» сербскаго царства на Косовомъ полѣ. Объ этомъ пространно рассказываетъ болгарская пѣсня, сербскаго происхожденія «Маркова смѣрть и погинванье на царство-то» (Сборн. за нар. умотвор. кн. XIV, стр. 90—92).

Марко видитъ вѣщій грозный сонъ, будто разверзлось небо и звѣзды попадали на землю. Мать, толкуя ему значеніе сна, сообщаетъ и о начавшемся исполненіи его: о нашествіи турокъ, переходѣ всѣхъ юнаковъ на ихъ сторону и объ угрожающей самому Марку необходимости отдать туркамъ его стольный городъ Прилѣпъ. Марко послѣшно ѣдетъ на Косово и въ ущельѣ Качаника (горный проходъ, ведущій изъ Македоніи въ Старую Сербію) встрѣчаетъ троихъ турокъ, посланныхъ къ нему съ требованіемъ ключей отъ Прилѣпа. Марко отвергаетъ требованіе турокъ, вступаетъ въ бой съ ними, убиваетъ ихъ и ѣдетъ впередъ по направленію къ Косову полю. При выѣздѣ изъ Качаника, Марко увидѣлъ на Косовомъ полѣ такое множество анатолійскихъ турокъ, что удивился тому, какъ ихъ земля держитъ. Марко бросается съ ними въ бой, три дня бьется, но не можетъ одолѣть враговъ. Во снѣ является ему св. Илья съ тремя ангелами и объявляетъ ему рѣшеніе Провидѣнія, по которому Прилѣпъ долженъ перейти во власть турокъ:

Досега блжгарско і отсега турско,
Вов Прилепа турчин ште да влада.

Пробудившись отъ сна и не вѣря сновидѣнію, Марко вновь бросается въ бой съ турками, замахивается на нихъ мечемъ, но въ этотъ мигъ у него цѣпенѣеть рука.

Ржка ма истржила, турци са не сечат, и Марко убѣждается, что сновидѣніе не обманывало его и что нашествіе турокъ — Божье дѣло,

Че іе това Божија работа.

Марко бѣжитъ обратно въ Прилѣпъ, въ свой домъ и спрашиваетъ жену, хочетъ ли она стать рабыней турокъ. Жена говоритъ, что лучше смерть, нежели турецкая неволя. Тогда Марко собственной рукой убиваетъ жену, сына и мать, потомъ коня Шарца и убѣгаетъ изъ дома куда глаза глядятъ

И побягна Марко де му очи видат.

Любопытнѣйшимъ варіантомъ этой пѣсни является болгарскій же варіантъ, слышанный Качановскимъ, но записанный имъ, къ сожалѣнію, въ прозаическомъ пересказѣ (Памятники болг. нар. твор. № 116). Пѣсня говоритъ о смерти царя Константина, который представленъ послѣднимъ царемъ болгарскимъ, и царицы Елены — очевидно византійскихъ — послѣдняго византійскаго императора Константина XII Палеолога, къ имени котораго, въ силу эпической ассоціаціи лицъ, присоединено имя царицы Елены изъ болѣе древней пары эпическихъ и легендарныхъ именъ — Константина и Елены, «эпонимовъ Византіи» (Веселовскій Южн.-русск. быт. VIII). Съ именемъ царя Константина болгарское преданіе связало и Марка, названнаго «юнакомъ» царя Константина и царицы Елены и Реля изъ Пазара. Всѣ эти болгарскія приуроченія очень напоминаютъ приуроченія именъ историческихъ лицъ, ставшихъ эпическими, въ русскомъ эпосѣ: Олега князя и воеводы мурманскаго, Ильи муромскаго, т. е. мурманскаго къ Владимиру и Олеши Поповича Ростовскаго къ Кіеву и Владимиру и обоимъ ихъ ко времени царя Константина, царицы Елены и къ Царьграду и друг.

Когда турки овладѣвали болгарскимъ царствомъ, тогда царемъ былъ царь Константинъ, а царицей Елена. У нихъ было два юнака: Марко Кралевичъ и Реля изъ Пазара. Царь Константинъ отправилъ ихъ защищать болгарское царство противъ турокъ, занявшихъ Момину клисуру (иначе Дѣвичье ущелье, при истокахъ Марицы, между Ихтиманской горн. цѣпью и Риломъ, черезъ которое ведетъ дорога изъ Самокова во Фракію, изъ Константинополя въ Бѣлградъ). Подземнымъ ходомъ они вышли на Софій-

ское поле и начали рубить турокъ. Разрубятъ турка на-двое, два турка ставовятся. Вернулись они къ Моминой клисурѣ, стали рубить тамъ турокъ и тамъ тоже — разрубятъ одного, встаютъ двое. Видя, что Богъ противъ нихъ, юнаки возвращаются назадъ къ царю Константину. Царь Константинъ тогда жарилъ рыбу на сковородѣ. Разказали ему юнаки, каковы дѣла, а царь Константинъ имъ отвѣчалъ: «если выскочатъ эти рыбы изъ сковороды, тогда повѣрю, что турки возьмутъ царство». Только проговорилъ это Константинъ, на сковородѣ ожили рыбы, на мѣстѣ огня образовалась вода и въ ней стали плавать рыбы, каждая съ поджареннымъ бокомъ. Царь Константинъ, видя, что Богъ передаетъ туркамъ его царство, садится на коня и выѣзжаетъ въ бой съ ними. Какой-то арапинъ убиваетъ царя. За то арапы стали рабами, а турки господами.

Въ вариантѣ этой пѣсни, неполно изданномъ Качановскимъ, нѣтъ приуроченія основного сюжета ея къ Болгаріи и имени Марка ко времени царя Константина. Царица Елена видитъ сонъ, будто раздвоилось небо, частыя звѣзды упали на землю, мѣсяцъ и звѣзды въ крови потонули, а Стожары ушли далеко въ славную Русію. Царь Константинъ толкуетъ сонъ, что турки возьмутъ его царство. Черный арапъ убиваетъ его, а два сына царя убѣгаютъ въ Русь. (Качановскій Памятники № 117).

Къ этимъ эпическимъ пѣснямъ примыкаютъ калядки, оплакивающія паденіе Царьграда. Такъ какъ эти послѣднія уже были разсмотрѣны акад. Веселовскимъ, то мы остановимся только на нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Въ колядкѣ, изданной Качановскимъ подъ № 19 (Памятники болгарск. нар. творчества), нѣтъ упоминанія о вѣщемъ снѣ, но сохраненъ мотивъ грознаго проявленія воли Божіей въ моментъ боя и бѣгства царя съ поля сраженія; съ другой стороны, внесенъ новый эпизодъ: заключеніе въ тюрьму и осужденіе на казнь попа, изъяснившего царю волю Божію. Соколъ приноситъ въ Царьградъ письмо и бросаетъ его на колѣно царю Константину. Собранные со всего царства попы и дьяки не могутъ прочесть письма. Попу Николѣ удастся прочесть письмо. Со слезами онъ сообщаетъ царю содержаніе его, говорящее о приближающейся гибели царства. Разгнѣванный царь собирается казнить попа, но онъ проситъ заключить его въ тюрьму на два дня съ половиной, и если не появятся за это время проклятые турки, тогда казнить. Царь заключаетъ попа въ тюрьму. Прошло два съ половиной дня, турки появились, и царь Константинъ собрался казнить попа. Только что собрались его казнить, какъ на горахъ показались въ несмѣтномъ числѣ иновѣрцы проклятые турки

Колко на гора листье

Коледе!

Колко на земля трѣва-та,
Толко иде вня вѣра,
Коледе!
Иня вѣра — клетви турци.

Царь Константинъ хочеть бѣжать и зоветъ вѣрныхъ слугъ своихъ бѣжать съ нимъ отъ турокъ. Вѣрные слуги останавливаютъ царя, хвастаясь передъ нимъ повернуть ясное небо со звѣздами, а не то что бы уступить туркамъ. Константинъ отвѣчаетъ, что и самъ онъ въ силахъ биться съ врагами и конь его можетъ, но Господь не помогаетъ. Понукаетъ царь коня впередъ, конь не трогается, хочеть царь саблю вынуть изъ ноженъ, сабля не вынимается: отскочилъ позолоченый эфесъ. Константинъ бѣжитъ, слуги оставляютъ его, только одинъ изъ нихъ слѣдуетъ за царемъ; онъ потомъ отрубаетъ царю голову, когда тотъ сталъ черпать воду изъ источника.

Напечатанная Безсоновымъ колядка «Пѣсенъ царя Константина» (Калѣки переходіе I, 614—617) сначала говоритъ о бурѣ на морѣ, какъ предзнаменованіи несчастья:

Разигра се Черно море

Во время бури соколъ приноситъ въ монастырь св. Николая «хартію», въ которой сообщается о предстоящемъ взятіи Царьграда турками. Старый игумень и попъ Никола идутъ къ царю Константину, находятъ его въ церкви Балаклии за пиромъ съ сенаторами и боярами и сообщаютъ ему роковое извѣстіе. Царь ищетъ знаменья, подтверждающаго пророчество: если рыба со сковороды спрыгнетъ въ воду, то Стамбулъ возьмутъ турки. Рыба подскакиваетъ со сковороды и падаетъ въ воду. Царь садится на коня и ѣдетъ биться съ турками. Турки убиваютъ Константина и овладѣваютъ Стамбуломъ. Причиной торжества турокъ — воля Бога, наказавшаго Константина за гордость и кощунство: онъ вѣзжалъ въ церковь на конѣ, пріобщался сидя на конѣ, копьемъ антидоръ бралъ и этимъ прогнѣвалъ Бога:

А Богу са жялъ нажали,
Жялъ нажали, скръбъ наскръби.

Въ сербскомъ эпосѣ тѣже мотивы пріурочились къ воспоминаніямъ о паденіи сербскаго царства и уничтоженіи сербской самостоятельности турками въ XIV—XV в. Въ пѣснѣ, изданной Ястребовымъ (Обычаи и пѣсни турецкихъ сербовъ Спб. 1886 г., стр. 205—207) святые Петръ, Николай и Илія посылаютъ «вѣрнаго Божіяго слугу, сиваго сокола» въ городъ Призренъ съ письмомъ къ сербскому царю Стефану. Соколъ прилетаетъ въ кулу царя Беліану и опускаетъ письмо царю на правое когѣно. Патриархи и

владыки смотрятъ три дня на письмо и не могутъ прочесть его; «ѣаче самоуче» полтора дня разбираетъ письмо и потомъ говоритъ царю Стефану:

Бери војску, ајде на Косово!
 Зе си многе учинија,
 Оhev турци брго царовати,
 И турци he царство, преузети.

Название замка царя Стефана Беліаной (Белијана) нельзя ли сопоставить съ именемъ великана Belian'a, живущаго въ городѣ Būdin'ѣ поэмы о Вольфдитрихѣ, о которомъ разсказывается въ эпизодѣ, излагающемъ эпическій мотивъ, повидимому, отразившійся въ сербскихъ пѣсняхъ о Маркѣ и Филиппѣ мадьяринѣ (см. Южно-слав. пѣсни о Краљ. Маркѣ 289 слѣд.).

Мотивы гордости и кощунства героя, какъ причины національнаго бѣдствія,—чудеснаго воскрешенія побитой силы вражеской и явленія святыхъ въ битвѣ среди враговъ—развиваются въ болгарской пѣснѣ сербскаго происхожденія о паденіи города Сталача и смерти послѣдняго христіанскаго правителя этого города Федора (см. Великорус. был. Кіевск. ц. стр. 127—131). Сербскимъ вариантомъ п. о паденіи Сталача является п. «Смерть воеводы Приѣзды» (Вук. II, № 84). Въ послѣдней выпали эпизоды воскрешенія побитыхъ враговъ, явленія небесной силы среди враговъ и мотивъ гордости и самоубійства героя.

Въ великорусскихъ былинахъ основные мотивы разсматриваемыхъ южно-слав. пѣсенъ развиваются въ былинахъ о гибели богатырей, на что мной уже давно указано (Великорус. был. Кіевск. ц. стр. 125—128. Южно-слав. сказанія о Краљ. Маркѣ, стр. 728 слѣд.).

Акад. А. Н. Веселовскій уже указалъ на сходство разсматриваемой группы славянскихъ пѣсенъ съ ново-греческими, отражающими историческія воспоминанія о паденіи Константинополя и смерти императора Константина XII (Южно-рус. былины II гл. VII, стр. 255 слѣд.).

Вся эта группа народныхъ сказаній: русскихъ, сербскихъ, болгарскихъ и ново-греческихъ находится въ несомнѣнномъ сходствѣ и близкомъ родствѣ съ «Повѣстью о Царьградѣ», именно, съ той болѣе поэтической редакціей ея, которая внесена въ Воскресенскій списокъ русской лѣтописи. Сходство касается какъ цѣлыхъ поэтическихъ мотивовъ, такъ и отдѣльныхъ образовъ. Въ другомъ мѣстѣ мы будемъ имѣть болѣе удобный случай представить детальное сравненіе содержанія Повѣсти о Царьградѣ со славянскими пѣснями и сказаніями о гибели царствъ и народныхъ героевъ (Къ исторіи поэтическихъ сказаній объ Олегѣ Вѣщемъ гл. IV въ Журналѣ

Министерства Народн. Просвѣщенія); здѣсь же отмѣтимъ слѣдующіе сходные образы и мотивы.

а) Повѣсть говоритъ о чрезвычайныхъ знаменіяхъ въ природѣ, предшествовавшихъ паденію Царьграда и предвѣщавшихъ это чрезвычайное событіе въ исторіи Греціи, славянства и Европы: о помраченіи солнца и луны, паденіи звѣздъ съ неба на землю, раздѣленіи неба и оставленіи Царьграда Божіей благодатью и ангеломъ-хранителемъ въ образѣ пламени, поднявшагося отъ церкви св. Софіи къ небу. Тѣже образы находятся въ народныхъ пѣсняхъ болгарскихъ и сербскихъ, говорящихъ о паденіи Царьграда. Сравн.:

А самъ царь, съ патриархомъ, и съ царицею и съ святители, и весь священный соборъ, и множество женъ и дѣтей хождаху по церквамъ Божіимъ мльбы и моленія дѣюще, плачуще и рыдающе, и глаголюще: «Господи, Господи! страшное естество и неисповѣдимаа сила, юже древле горы видѣвше въстрепеташася и тварь потрясеся, *солнце же и луна ужасошася, блистаніе ихъ пошбе, и звѣзды небесныа спадоша*, мы же окаанніи таа вся презрѣвше съгрѣшихомъ, и беззаконновахомъ предъ тобою, Господи, и тягократно разгнѣвахомъ и озлобихомъ твоего Божества, забываяще твоихъ великихъ дарованій и презирающе твоихъ повелѣній... (Воскресенск. л. П. С. Р. Л. т. VIII, стр. 128—129).

Болгарская пѣсня о смерти царя Константина (Качановскій, № 117) начинается сообщеніемъ слѣд. сновидѣнія, посланнаго царицѣ Еленѣ:

Сонъ сонѣла царица Елена:
 На сонъ и се небо предвоило,
 Дробни дзвѣзде по земля паднаа,
 А мѣсяцъ у керви утана,
 А дзвѣзда е тевно утавнала

 А власи-те далекъ пребѣгнаа
 Далекъ, далекъ у славна Русия... (стр. 235).

Марку Кралевичу тоже самое явленіе представилось въ сонномъ видѣніи, какъ предвѣстіе паденія Прилѣпа и конца его владычества:

Марко легна, лош сѣн бе санувалъ:
 Че са раздели това мсно небо,
 Сички звезди на земья паднале.

(Сборн. за нар. умотвор. XIV, 90).

Въ сербск. п., оплакивающей паденье Сербскаго царства, излагается сновидѣніе царицы Милицы, которое предзнаменовало роковой исходъ Косовской битвы:

Сан уснила царица Милица,
Вѣрна љуба славна цара Лазара
У Крушевцу на цареву двору:
Сан уснила и у сну виѣла:
Ђе се ведро небо проломило,
Жарко сунце у траву пануло...
Сјајан мјесец у море пануо,
Све звијезде крају прибјегнуле,
Све Косово тама притиснула,
По њој гракћу гавранови црни,
Између них ждрали поцикују.

(Бој на Косову 1389 г. у нар. пјесм. Беогр. 1889 г. 7—8 стр.)

2. Повѣсть говорятъ объ унынїи, объявшемъ жителей Царьграда при видѣ грознаго знаменїа (въ 24 день маїа м. людіе мвози видѣша у великіе церкви Премудрости Божїа у верха изъ оконъ пламеню огнену велику изшедшу, окруживше всю шею церковную на длгъ часъ, и собрався пламень въ едино премѣнися, и бысть яко свѣтъ неизреченный и абїе взятся на небо (ibid. 136)), о приходѣ къ царю патріарха Анастасїа и толкованїи имъ Константину значенїа «страшнаго», «церковнаго знаменїа у Премудрости Божїа»:

Онѣмъ же зрящимъ начаша плакати горко, въпїюще: «Господи помилуй»; свѣту же оному достигшу до небесъ, и отврѣзюшася двери небесныя, и приатъ свѣтъ пакы затворишася. Наутрїа же шедше сказаша патріарху; патріархъ же Анастасїе, събравъ боляръ и свѣтнїковъ всѣхъ, поиде къ царю, и начаша увѣщевати его да изыдетъ изъ града и съ царицею; и ако не послуша ихъ царь, рече ему патріархъ: «вѣси, о царю, вся преждереченнаа о градѣ семъ, и се нынѣ пакы ино знаменїе страшно бысть: свѣтъ убо онъ неизреченный, иже бѣ съдѣйствуя въ велицѣй церкви Божїа Премудрости съ прежними свѣтїльниками архїереи вселенскими и цари благочестивыми, такожде и ангелъ Божїй, его же укрѣпи Богъ при Устинїанѣ цари на съхраненїе святыа и великіа церкви и граду сему, въ сію бо ноцъ отъидоша на небо; и сіе знаменуеть, яко милость Божїа и щедроты его отъидоша отъ насъ и хоцетъ Господь предати градъ сей врагомъ нашимъ грѣхъ ради нашихъ»; и тако представи ему онѣхъ мужей иже видѣша чудо. И яко услыша царь глаголы ихъ, паде на землю яко мрѣтвь, и бысть безгласенъ на многъ часъ, едва отоляша его араматными водами. (Ibid.

стр. 136). . . . Егда услышаша людіе отшествіе Святаго Духа, абіе растааше вси, и нападе на нихъ страхъ и трепеть» (ibid.).

Въ болгарск. п. Венелина о паденіи Царьграда велѣнье судьбы сообщается прежде всего духовенству монастыря св. Николая. Разобравъ письмо, принесенное голубемъ (Ср. «Голубиная книга» русской поэзіи), старый игумень и попь Никола идутъ къ царю Константину и говорятъ ему о грозящей бѣдѣ:

Заплакалъ ми е старъ егумень
И казува попь Николи:
«Стани, стани, попь Николи,
«Да си идемъ да си кажемъ
«На нашъ царя Константина.

Идутъ къ царю и говорятъ о принесеніи имъ письма

У книже то пише пише:
Турчинъ Стамболъ ште привзѣмне (Калѣки I, 617).

Въ колядкѣ, изданной Качановскимъ (Памятники № 19), царь Костяндинъ собираетъ со всего царства поповъ и дяковъ читать письмо, брошенное ему на колѣни соколомъ; попь «од Прокопа» читаетъ письмо, и со слезами сообщаетъ Константину, что

Царство ни е достаяло (стр. 89).

Въ тѣхъ южно-славянскихъ пѣсняхъ, гдѣ знаменіе природы, о которомъ говорится въ книжномъ сказаніи о паденіи Царьграда и соответствующихъ народныхъ пѣсняхъ, излагается въ образѣ вѣщаго сна, этотъ послѣдній толкуется или матерью героя («Маркова смръть») или самимъ героемъ (царь Константинъ у Качановск. № 117: царь Лазарь въ п. Сан царице Милице).

с) Повѣсть говоритъ о мужественной рѣшимости царя Константина бороться съ турками до послѣдней возможности: «въставшу же ему (царю) патріархъ паки начатъ крѣпко увѣщевати царя да изыдетъ изъ града, такожде же и боляре всѣ глаголюще ему: «тебѣ, господи царю, изшедшу изъ града съ елицѣми въскощещи, паки Богу помогающу мощно есть тебѣ и граду помощи, и иныя грады и вся земля надежу имѣюще тако въскорѣ не дадутся безвѣрнымъ». Онъ же не уклонися на то, но отвѣщеваше имъ: «аще Господь Богъ нашъ извоилъ тако, камо избѣгнемъ гнѣва его! и колико царей преже меня бывшихъ, великихъ и славныхъ, иже пострадаша и за свое отечество помроша, и азъ ли послѣдней сего не сътворю? но да умру здѣ съ вами и не послуша ихъ (ibid. 136).

Тотъ же самый мотивъ излагается въ южно-славянскихъ пѣсняхъ о гибели царствъ Марка и Лазаря: когда Марко узналъ отъ матери о роковой опасности, угрожающей Болгарскому царству, Прилѣпу и самому ему—

Тої нахлупи калпак до іочите,
Назад вјрна Шарка добра коња
Та іотива вов Косово-поле,
Да са бие с турци іаничаре.

На требованія турецкихъ пословъ выдать ключи отъ Прилѣпа Марко отвѣчаетъ:

Ала азе кључове не давам,
Не предавам и Прилепа града;
Кога падне Марко блжгарина
И да падне Шарко добра коња,
Тогава шта кључове да дамъ
И да предамъ Прилепа града.

(Сборн. за нар. умотвор. XIV, стр. 91).

Царь Лазарь въ сербской пѣснѣ, когда узналъ о снѣ царицы Милицы,

То је њему врло жао било,
Ал' залуду, фајде не имаде,
Јунак бјеше срца јуначкога.

Онъ самъ растолковываетъ значенье сна сначала царицѣ, а потомъ своимъ вельможамъ:

Браћо моја и војводе моје!
То нимало мени мило није
Чини ми се, ђецо моја драга!
Сад је дош'о вакат и вријеме
Брзо ће нам ударити турци
И наше ће преузети царство.
Кад то зачу ева српска господа,
За муку им својем било љуту,
Сваки шути, ништа не беседи

(Бож на Косову, 17—18).

d) Повѣсть изображаетъ царя Константина эпическими чертами богатыря: онъ великъ бѣ зѣло и «исполненъ силою» (стр. 135); во время боя онъ разсѣкаетъ враговъ на полы, его мечъ не знаетъ препятствій и вражескія стрѣлы минуютъ его. «Сказаша царю, яко уже туркы взыдоша на

стѣну и одолѣвають гражданъ и аще не бы ускорилъ царь къ нимъ, конечнаа уже бѣ погибель граду. Постигшу же царю и нападшу на турки съ избранными своими и сбѣчаше ихъ нещаднѣ и ужастно, ихже бѣ достизаше разсѣкаше на двое, а иныхъ пресѣкаше на полы: не удръжеваше бо ся мечь его ни въ чемъ (ниже это мѣсто варьируется такъ: не удержеваше бо ся мечь его ни сбруи, ни конскаа сила 140). Турки же скликахуся противу крѣпости его, и другъ друга понюкаше нанъ, и всякимъ оружіемъ суляху его, и стрѣлы бесчисленны на нь пушаху; но убо, яко же речеса: бранныя побѣды и царское паденіе Божіимъ Промысломъ бываетъ, оружія бо ихъ вся и стрѣлы суетно падаху, и мимо его летающе не улучахуть его. Царь же единъ, имѣа мечь въ рудѣ, сбѣчаше ихъ, и бѣжаху отъ него изъ града къ разрушенному мѣсту, и ту затѣснившемся побивша турокъ многихъ, а иныхъ прогнаша за рвы. И тако Божією помощію въ той день царь избави градъ, и уже вечеру бывшу Турки отступша (ibid. 135).

Въ сходныхъ эпическихъ очертаніяхъ является въ южно-славянскомъ эпосѣ Марко Краевичъ и Феодоръ Сталацкій въ ихъ послѣднихъ бояхъ съ турками. У Феодора Сталацкаго были «джубе и покрове»,

Що не вача ни сабља ни крушум
И «сабля буздугана»,
Що то сече дрво и камѣнье.
У Марка была «сабля демешлиа»,
Што іа правил маістор Димитрија,
Да си вие като љута змија,
Да то сече дрѣва и камѣне.

(Сборн. за нар. умотвор. XIV, 91).

Укрѣпленія города Сталача, храбрость Феодора, владѣвшаго чудеснымъ конемъ и оружіемъ, были причиной продолжительности осады этой крѣпости турками и невозможности для нихъ овладѣть ею. Сходныя положенія имѣются и въ повѣсти о взятіи Царьграда: Царьградъ защищали стѣны, войска, но болѣе всѣхъ самъ царь, неоднократно прогонявшій турокъ личной своей храбростью, будучи принужденъ выступать въ бой тогда, когда «стратиги и граждане» начинали бѣжать передъ турками.

е) Повѣсть говоритъ о томъ, что нашествіе турокъ и паденіе Царьграда явились карой Божьей за грѣхи людей и за гордость и самомнѣнье защитниковъ Царьграда: «Се нынѣ открылся гнѣвъ Божій на тебе, и предаде тебе въ рудѣ врагомъ твоимъ» (142). «Но убо понеже беззаконіа наша превзыдоша главы наша и грѣхы наша отяготѣша сердца наша, въ еже

заповѣдей Божіихъ не послушати и въ путехъ его не ходити, гнѣва его како убѣжимъ? (133). Образно этотъ мотивъ излагается въ сербско-болгарскихъ пѣсняхъ о паденьи Сталача:

Да сега е бугарин повелал,
А од сега турчин че царуе.
А знаш ли Тодоре везире?
Кога бесте на бој на Косово,
Със конъи-те църква улезосте,
Погазисте триста стари бабе,
Погазисте триста мали деца,
Ни кърстено, ни мвросано,
Със маждраци навару узосте,
За това е турчин да царуе.

Въ повѣсти сообщается, что когда царь Константинъ въ бою 27-го мая прогналъ турокъ личной своей храбростью, то будто онъ *въ сердцы своемъ вознесся*, предполагая уже совершенный уходъ турокъ, «невѣдаху бо Божіа изволеніа» (40). Въ болгарской колядкѣ (Качановскій № 19) горделивая похвальба приписывается слугамъ царя Константина: Увидѣвъ несмѣтное множество турокъ, Константинъ зоветъ своихъ слугъ бѣжать съ нимъ отъ враговъ

Леле, варай, вѣрны слуги,
Яхайте, та бѣгае!
Кой ште съ мене да бѣгае!
Вѣрны слуги одговарять:
Леле, варай, царь Костадинъ!
Я се надахъ, да полетимъ —
Ясно небо съ ясны дзвѣзды
Ние съ тебе да повернемъ,
А то нели шня впра,
Иня впра, клетчи турчи.

И вотъ наказаніемъ за гордость и самомнѣніе служить то, что конь Константина не движется въ бой, сабля не вынимается изъ ноженъ и переламывается у зфеса (Качановскій, стр. 86). Слова Константина, произнесенныя имъ въ отвѣтъ на похвальбу его слугъ

Леле, варай, вѣрны слуги!
И я мога и конь може
Коги Господь поможе.

нужно сопоставить со словами Повѣсти о взятіи Царьграда, опредѣляющими участіе Промысла Божія въ гибели этого города: «но аще бы и горами подвизали, Божія изволенія не премочи» (141).

f) Марко Кралевичъ убиваетъ жену свою изъ боязни, что она можетъ попасть къ плѣнъ къ туркамъ. Нельзя не сопоставить этого мотива съ преданіемъ о судьбѣ супруги императора Константина XII, невошедшимъ въ Повѣсть о взятіи Царьграда, но сообщеннымъ Зюгомалой Θ., будто «за день до взятія Царьграда она была лишена жизни изъ боязни, чтобы не досталась въ руки Турковъ» (Срезневскій, Повѣсть о Царьградѣ. Спб. 1855 г., стр. 82, примѣч. 21).

g) Центромъ событій, о которыхъ рассказывается въ Повѣсти о взятіи Царьграда была церковь Премудрости Божіей, т. е. храмъ св. Софіи — символъ Царьграда и всей Имперіи (стр. 136).

Въ представленіяхъ благочестивыхъ книжниковъ царь Константинъ и его соратники бились за св. Софію. Это воззрѣніе дало основаніе нѣкоторымъ метонимическимъ образованіямъ, возникшимъ на мѣстѣ упоминанія о св. Софіи въ тѣхъ славянскихъ пѣсняхъ и преданіяхъ, которыя примыкаютъ къ группѣ сказаній о паденіи Константинополя и частію восходятъ къ книжнымъ ихъ обработкамъ. Такимъ путемъ могло образоваться «Совійско поле» — Софійское поле въ болгарскомъ преданіи о гибели болгарскаго царства и смерти царя Шишмана (Бр. Миладиновци, Български нар. пѣсни, Загребъ, 1861 г. № 58, стр. 78); нѣсколько далѣе отстоятъ отъ своего первообраза (храмъ св. Софіи или можетъ быть «площадь у великія церкви» т. е. св. Софіи П. С. Р. Л. (Воскр. л. VIII, 143) ~~Милетица~~ долина *ръки Софы*, *в. Салфы* въ русскихъ былинахъ о гибели богатырей (Кирѣевскій Указатель къ IV т.). Слово *Софа* вм. Софія подъ вліяніемъ сказаній о долині Сафатовой въ Палестинѣ и можетъ быть другихъ аналогичныхъ (см. Южно-славян. сказ. о Кр. Маркѣ, стр. 734) измѣнилось въ Сафатръку. Въ результатъ своего сравнительнаго изслѣдованія всей этой группы произведеній славянской книжной и устной словесности мы приходимъ къ выводу противоположному тому, который не такъ давно былъ сдѣланъ проф. Милетичемъ. Вопреки мнѣнію проф. Милетича, полагающаго будто «величайшее историческое событіе конца эпохи среднихъ вѣковъ — героическая защита Царьграда и его паденіе не оставили никакихъ слѣдовъ въ народной поэзіи южныхъ славянъ» (Повѣсть за паденіе на Царьградъ въ 1453 г. Сборникъ за нар. умотвор. XII, 400), мы имѣемъ основанія утверждать, что героическая защита и паденіе Царьграда передъ турецкой грозой нашли яркое отраженіе въ словесности славянскихъ народовъ. Поэтические образы и мотивы, создавшіеся подъ впечатлѣніемъ паденія «седьмихолмаго города», распространились въ устной поэзіи Славянъ болгар-

скихъ, сербскихъ и русскихъ и вошли въ тѣснѣйшія комбинаціи съ ихъ національно-историческими преданіями, относившимися къ аналогичнымъ національнымъ бѣдамъ, къ потерѣ политической самостоятельности ихъ передъ турками и татарами, какъ-то было въ Византіи.

3. Смерть Марка Кралевича на Урвинг-планинѣ.

Рано утромъ въ воскресенье проѣзжалъ Марко по берегу моря Урвинг-планиной. Сталъ Марко подниматься на Урвинг-планину, сталъ Шарацъ подъ нимъ спотыкаться и слезы ронять. Очень больно было Марку видѣть это. Сталъ онъ говорить коню: «Ой ты, Шарацъ, доброе мое! Сто шесть лѣтъ мы ѣздимъ съ тобой и ни разу ты не споткнулся, а сегодня спотыкаешься и слезы ронишь? Не къ добру это! Не быть на плечахъ моей или твоей головѣ!» Отозвалась Урвинская горная вила. «Побратимъ, Кралевичъ Марко!» Знаешь ли, отчего конь спотыкается? Жаль ему своего господина!»

Сходно съ этимъ въ русской казацкой пѣснѣ: младъ полковничекъ спрашиваетъ коня «сива-чубараго»:

Ужъ и что жъ ты конь не весель идешь?
Ты лугами конь идешь, — и травы не рвешь?
Озерами конь идешь, — и воды не пьешь;

конь отвѣчаетъ, что причина его грусти вотъ въ чемъ:

Какъ завтра мнѣ, коню, быть убитому,
Тебѣ, доброму молодцу, крѣпко раненому.

(Соболевскій, В. н. п. VI, 193—194).

Марко отвѣчалъ вилѣ: «Бѣлая вила, заболи твое горло! Никогда я не разстанусь съ Шарцемъ, пока цѣла моя голова на плечахъ. Я видѣлъ, я обошелъ всѣ земли и города отъ востока до запада, — нѣтъ коня лучше Шарца и нѣтъ юнака лучше меня. Какъ же мнѣ разстаться съ Шарцемъ? Отвѣчала ему вила: «Побратимъ, Кралевичъ Марко! У тебя никто не отниметъ Шарца и твоя смерть не отъ юнака, ни отъ сабли острой, ни отъ палицы тяжелой, ни отъ копья боевого: нѣтъ тебѣ соперника на землѣ; но ты умрешь, болѣзненный Марко, отъ Бога, отъ стараго мстителя¹⁾. Если мнѣ не вѣришь, поѣзжай на вершину Урвинг-планины, осмотришь тамъ по

1) Већ ћеш, бољан умријети Марко
Ја од Бога од старог крвника

Сравни. Бѣгъ ридниѣ и мстай Гдѣ, мстай Гдѣ съ шрестію, Гдѣ мстай сопостатомъ своимъ и потрѣсалай самъ враги свои (Кн. прор. Наума гл. 1, ст. 2).

Мститель (есть) Господь 1 посл. ко Солунян. гл. IV, ст. 6.

сторонамъ, увидишь тамъ двѣ стройныя ели, возвышающіяся надъ ея вершиной и осѣняющія ея своими вѣтвями; изъ-подъ ихъ корней течетъ родникъ холодной воды: останови тамъ Шарца, сойди съ коня, привяжи его къ ели, наклонись надъ родникомъ, посмотри въ воду, — и увидишь, что пришла пора тебѣ умереть». Марко исполняетъ совѣтъ вилы. Когда онъ увидѣлъ въ водѣ отраженіе своего лица и узналъ, что пришла ему смерть, то пролилъ слезы и проговорилъ: «Лживый свѣтъ, мой прекрасный цвѣтъ! Мало походилъ я по тебѣ, всего триста лѣтъ. Теперь пришла пора мнѣ преставиться». Снялъ Марко съ себя саблю, подошелъ къ коню и отрубилъ ему голову, чтобы Шарацъ не достался туркамъ, не служилъ имъ, не возилъ для нихъ воды въ мѣдномъ кувшинѣ. Зарылъ Шарца въ землю, похоронилъ его лучше, нежели родного брата Андрию. Потомъ свою острую саблю переломилъ на четыре части, чтобы она не попала къ туркамъ, чтобы не хвастали турки, что досталась имъ сабля Марка, а христіанскій міръ не проклиналъ бы его. Свое боевое копье Марко разломилъ затѣмъ на семь частей и разбросалъ осколки его по еловымъ вѣтвямъ. Оперенную палицу свою Марко бросилъ съ Урвинъ-планины въ глубокое море съ такими словами: «Когда эта палица выйдетъ изъ моря, тогда появится другой такой молодець, какъ я». Покончивъ со своимъ вооруженіемъ, Марко написалъ свое завѣщаніе, въ которомъ свои деньги — три пояса желтыхъ дукатовъ распредѣлилъ такъ: одинъ поясъ тому, кто предастъ погребенію его тѣло, другой на украшеніе храмовъ Божіихъ, а третій слѣпцамъ и калѣкамъ: пусть слѣпцы ходятъ по свѣту, пусть воспѣвають и поминаютъ Марка! Положилъ Марко свое завѣщаніе на еловую вѣтку, на видное мѣсто, чтобы съ проѣзжей дороги можно было его увидѣть, а дорожный золотой письменный приборъ бросилъ въ колодезь. Снялъ Марко съ себя зеленую дѣламу, разостлалъ на травѣ подъ елями, сѣлъ на нее, нахлобучилъ на глаза соболью шапку, потомъ легъ и уже не всталъ. Цѣлую недѣлю пролежалъ Марко мертвый у источника на Урвинъ-планинѣ. Проѣзжіе, видя Марка и думая, что онъ спитъ, сворачивали съ дороги далеко въ сторону изъ опасенія пробудить его. Гдѣ счастье, тамъ и несчастье; а гдѣ несчастье, тамъ и счастье! Добрый случай привелъ на Урвинъ-планину святогорскихъ монаховъ: Василя, игумена Хиландарскаго монастыря и дьяка Исаю. Игуменъ Василій заприѣтилъ письмо Марка, взялъ его, прочелъ, пролилъ слезы, — такъ было ему жалко Марка, — возложилъ тѣло Марка на своего коня, достигъ моря, на галіотѣ привезъ его на св. Гору въ Хиландарскій монастырь и схоронилъ его среди хиландарской церкви. Могилу Марка старецъ не отмѣтилъ никакимъ знакомъ, чтобы враги героя изъ мести не осквернили его прахъ.

Въ своемъ прежнемъ изслѣдованіи пѣсенъ Маркова цикла (Южно-слав.

сказанія о Кралевичѣ Маркѣ гл. XVI) я видѣлъ въ пѣснѣ о смерти Марка на Урвинѣ-планинѣ приуроченіе историческихъ воспоминаній о смерти «краля Марка при Ровинахъ» къ мѣстности Урвино или Урвинѣ въ Скопльско-й области сѣверной Македоніи, на восточныхъ отрогахъ Карадага. Въ настоящее время я нахожу, что эта замѣчательная пѣсня представляетъ болѣе сложную ассоціацію поэтическихъ образовъ, нежели та, какую я предполагалъ ранѣе, и при сужденіи о томъ, какой поэтической или историко-географической ассоціаціи именъ подчинялись южно-славянскіе пѣвцы, переносившіе смерть Марка съ Ровинскаго поля на Урвинѣ-планину, нельзя упускать изъ виду и еще двѣ возможности.

1. Въ болгарскихъ историческихъ преданіяхъ и пѣсняхъ, связанныхъ съ именами царей Асѣня и Шишмана и относящихся къ паденію Болгарскаго царства, упоминается городъ Юрвинѣ или Урвичъ. Урвичемъ въ наст. время называется село и при немъ городище въ области восточныхъ склоновъ Витоша, на берегу р. Искера, въ Софійскомъ округѣ (Карановъ въ ж. «Наука» Пловдивъ 1881 г. кн. VI, стр. 495—502. М. С. Дриновъ Критич. статья по поводу Сборника пѣсенъ Качановскаго. Периодич. Спис. 1882 г., кн. IV, стр. 144). Намъ необходимо, хотя, къ сожалѣнію вкратцѣ, насколько позволяютъ предѣлы темы, коснуться содержанія этихъ пѣсенъ, представляющихъ большой интересъ для исторіи болгарскаго героическаго эпоса до-Марковой поры (болѣе обстоятельное разсмотрѣніе пѣсенъ про Ясеня оставляемъ до другого времени). Въ п. «Царь Ясенъ (Сборн. за пар. умотвор. т. II, отд. пѣсенъ стр. 81) рассказывается слѣдующее: въ городѣ Юрвинѣ пьетъ вино царь Ясенъ со слугой своимъ королемъ Степаномъ. Ясенъ проситъ короля Степана спѣть пѣсню и развеселить пирующихъ. Король говоритъ, что ему не до пѣсенъ, такъ какъ онъ началъ строить девять мостовъ, девять церквей и ничего не можетъ окончить за неизмѣнимъ средствъ. Царь Ясенъ обѣщаетъ покрыть расходы изъ своихъ средствъ. Тогда Стефанъ запѣлъ пѣсню. Въ отвѣтъ на королевскую пѣсню отозвался мальчикъ тоже пѣсней, въ которой извѣщалъ царя Ясеня о нападеніи турокъ на царство, взятіи царскаго дворца, убійствѣ матери царя и похищеніи молодой царицы Елены съ сыномъ. Царь Ясенъ отправляется въ погоню за турками, настигаетъ ихъ за селомъ Кокалене (въ Софійск. окр.), отнимаетъ царицу, а туркамъ отрубаетъ русыя головы.

Въ вариантѣ, напечатанномъ тамъ же, на стр. 81—82, не упоминается о королѣ Стефанѣ, а говорится, что когда царь Ясенъ уѣхалъ въ Робѣ, турки напали на его крѣпость Урвичъ и полонили царицу. Царь спѣшитъ въ слѣдъ туркамъ, догоняетъ ихъ и отнимаетъ царицу. На возвратномъ пути онъ спрашиваетъ у царицы, не осквернили ли ее турки. Царица отвѣчаетъ иносказаніемъ: когда-моль волкъ ворвется въ стадо да ухватить

черношерстаго лгвенка, такъ ослонить его. Вернулись царь съ царицей въ Урвичъ, царица говоритъ царю: «Царь, о славный царь, мы чисты, пречисты, а все-таки турки чище:

Царо ле, честит царо-ле!
Ніе сме чисти, пречисти,
А турци са бште пб-чисти.

Это мѣсто пѣсни является отголоскомъ тѣхъ впечатлѣній, которыя производила на христіанъ нравственная чистота поведенія турокъ въ первую эпоху завоеваній ихъ на Балканскомъ полуостровѣ, въ извѣстной степени благопріятствовавшая ихъ политическимъ и военнымъ успѣхамъ. Оно очень сходно съ тѣмъ приговоромъ о туркахъ, какой находится въ «Повѣсти о созданіи и взятіи Царь-града» (XV в.): еслибы къ правдѣ турецкой да вѣра христіанская была, то съ ними бы ангелы бесѣдовали» (Порфирьевъ Истор. рус. слов. I, 480. Сравн. А. Поповъ, Изборн. 87—91. Срезневскій, Повѣсть о Царьградѣ Уч. Зап. А. Н., т. I).

Царь Ясенъ, однако, думалъ иначе, нежели его супруга, дѣйствовавшая, повидимому, въ какомъ-то соглашеніи съ турками при взятіи ими Урвича: выхватилъ онъ саблю, чтобы убить царицу, а она побѣжала отъ него на балконъ дворца, бросилась съ балкона на землю и расшиблась на смерть. Въ вар., слышанномъ Качановскимъ (Памятники болгарскаго нар. творч. № 108), царь Ясенъ, отнявъ у турокъ царицу, уводитъ ее въ Урвичъ-городъ «сось желѣзны порты» и здѣсь, разсердившись на нее за сочувственный отзывъ о туркахъ, изрубаетъ ее въ куски и разбрасываетъ ихъ по камнямъ. Царица кормила тогда ребенка, и отъ кусковъ ея тѣла потекла рѣчка съ бѣлой водой. А царь Ясенъ, скрывъ свои сокровища въ Урвичъ-городѣ, убѣжалъ въ Россію. Отъ русской крестьянки Ясѣнь прижилъ сына, который послѣ смерти отца вернулся въ Болгарію, пришелъ въ Урвичъ, нашелъ кладъ своего отца и съ нимъ вернулся въ Россію.

Въ вар. № 107 *ibid.* нѣтъ упоминанія объ Урвичъ-городѣ. Въ нар. преданіи, сообщаемомъ Пансіемъ, авторомъ «Исторіи Славено-болгарской» (1762 г.), Урвичъ монастырь называется крѣпостью царя Шишмана. Въ Срѣдцѣ, Урвичъ и другихъ природныхъ укрѣпленіяхъ «покрай Искаръ река и по Витоша гора» Терновскіе господа и царь Шишманъ семь лѣтъ укрывались отъ турокъ, находя себѣ помощь «отъ Сербія и отъ краля Вукашина и отъ охридски болари» (Дриновъ, *ibid.* 145).

Въ сообщенномъ Миладиновыми преданіи о послѣднемъ боѣ царя Шишмана съ турками, приуроченномъ однако не къ Урвину, а къ окрестностямъ Самокова, говорится, что Шишманъ смертельно раненый въ битвѣ

съ турками, скрылся въ крѣпости, находившейся по правую сторону Самоковскаго горнаго прохода, гдѣ скончался и былъ погребенъ. На мѣстѣ сраженія отъ семи ранъ, полученныхъ Шишманомъ, образовалось семь родниковъ, что дало основаніе назвать все то урочище «Седум кладенци» (Пѣсни бр. Миладинов., стр. 78—79).

Въ изложенныхъ пѣсняхъ про Ясеня и Шишмана, несомнѣнно, заключаются намеки на событія болгарской исторіи конца XIV в., періода столкновеній «прѣизаштнаго царя българомъ Александра Асѣня (1331—1365) съ Мурадомъ и завоеванія Болгаріи при Шишманѣ, послѣднемъ болгарскомъ царѣ, султаномъ Баязетомъ (1393 г.). Въ первой войнѣ болгаръ съ султаномъ Мурадомъ палъ царевичъ Асѣнь, сынъ болгарскаго царя Александра, о чемъ сообщаетъ болгаро-румынская хроника, изданная Григоровичемъ и недавно Богданомъ (Сравн. Иречекъ Истор. болгаръ, перев. Яковлева, Варшава, 1877 г., стр. 304).

Но подъ верхнимъ слоемъ воспоминаній о борьбѣ съ турками въ XIV в. въ пѣсняхъ про Ясена или Ясеня можно отличить и болѣе древній слой поэтическихъ образовъ, въ которыхъ отражается болѣе ранняя историческая эпоха исторіи болгаръ, именно, эпоха еще «старата Асѣня», т. е. Асѣня I (1187—1207): пѣсня говоритъ о плѣненіи царицы, жены Ясеня, въ его отсутствіе, и сочувствіи съ ея стороны врагамъ мужа. И въ жизни царя Асѣня I были аналогичныя происшествія. По разсказу Никиты Хоніата (Stritter, *Bulgarica*, стр. 681), греческій императоръ Исаакъ II Ангель въ 1189 г. увелъ въ плѣнъ изъ Ловча жену царя Асѣня I, вмѣстѣ съ братомъ его Іоанномъ. Въ смерти Асѣня I была виновна, хотя косвенно, Елена, сестра его жены, вступившая въ отсутствіе Асѣня въ преступную связь съ однимъ изъ его приближенныхъ, Иванкомъ, который въ 1196 г. и убилъ Асѣня (Макушевъ, *Болгарія въ концѣ XII и первой половинѣ XIII стол.* Варш. Унив. Изв. 1872 г. кн. 3, стр. 6—7). Сынъ «Старата Асѣня», знаменитый впослѣдствіи Іоаннъ Асѣнь (1218—1241) вмѣстѣ со своимъ братомъ Александромъ бѣжалъ въ Русь въ 1207 году, послѣ смерти Калояна и насильственнаго овладѣнія престоломъ Бориломъ (1207—1218).

Присутствіе за трапезой царя Ясеня короля Степана въ должности виночерпія отражаетъ дружественныя и родственныя отношенія сербскихъ Неманичей къ болгарскимъ Асѣнямъ. Стефанъ Неманъ былъ союзникомъ Асѣня I (Иречекъ, *истор. болгаръ*, 214). Сербскій король Стефанъ Владиславъ былъ женатъ на дочери Асѣня II (*ibid.* 236). Въ Тырновѣ скончался въ 1237 г. гостившій у Асѣня II св. Савва, сынъ Стефана Немани и дядя Стефана Владислава. Стефанъ Душанъ, царь сербскій, былъ женатъ на сестрѣ болгарскаго царя Іоанна Александра Еленѣ (Иречекъ, 280). Родственная нѣкоторая подчиненность сербскихъ Стефановъ по отношенію къ

болгарскимъ Асѣнямъ могла народному сознанию болгаръ казаться политической зависимостью, что отразилось въ народной пѣснѣ представленіемъ краля Степана слугою царя Асѣня:

Цар Іасен віно пиѣше
 У тога града Іурвина,
 А слуга му је краљ Стѣпан
 Цар Іасен си му говори:
 «Слуго ле, слуго Степане!
 «Ја да ми запѣмаш,
 «Да развеселиш трапѣза . . .

При малочисленности болгарскихъ историческихъ пѣсенъ, относящихся къ періоду политической самостоятельности старой Болгаріи, пѣсни про Ясеня, содержащія такіе ясныя намеки на историческія событія времени Асѣней I и II, приобрѣтають, конечно, выдающійся интересъ для исторіи болгарскаго эпоса. Возвращаемся теперь къ вопросу объ отношеніи всей этой группы болгарскихъ пѣсенъ и сказаній къ сербской пѣснѣ о смерти Марка на Урвинь-планинѣ. Обращають на себя вниманіе слѣдующія черты сходства между этими произведеніями: а) собственныя имена Юрвинь-городъ и Урвин-гора имѣють тождественныя опредѣленія; б) съ этими одинаковыми по звукамъ собственными именами соединенъ мотивъ смерти національныхъ героевъ, послѣднихъ представителей національной независимости, славы и могущества и наконецъ в) уже сообщенное выше, историческое преданіе XVIII в. связывало отца Марка, короля Вукашина и охридскихъ болгаръ съ историческимъ преданіемъ о борьбѣ болгаръ съ турками, происходившей у Урвичьскаго града т. е. Юрвина. Сообщение Паясія даетъ указаніе на тотъ путь, которымъ могло совершиться въ эпосѣ и приуроченіе смерти Марка сначала къ Урвину-городу, а потомъ и къ Урвинь-планинѣ.

2. У старыхъ географовъ встрѣчается названіе, близко подходящее къ имени Урвинь-планины именно 'Ορβήλος или "Ορβηλος, что конечно произносилось по средне-гречески — Орвѣлз, а не Орбель. Этимъ именемъ называлась возвышенность, идущая отъ Рила и сѣв.-зап. края Родоповъ къ юго-западу, между рѣками Стримонъ и Нестомъ (Меета, Карасу) до Пангея (Пернара) (Forbiger Handbuch d. alten Geographie III, 1051), но преимущественно громадный колоссъ, стоящій надъ гор. Мельникомъ и называющійся теперь Перинь-планиной, Перинь-дагомъ (Geographica Strabonis изд. Didot т. II, Указатель. Иречекъ истор. болгаръ, перев. Яковлева 21). По имени этой горной цѣпи и главной ея вершины, и вся область, надъ

которою она господствуетъ, называлась у древнихъ Ὀρβηλία или Ὀρβίλια (у Птолемея: Carol. Müllerus, Ptolem. Geograph. изд. Didot Par. 1883, I, 507) или Παρῶβηλία (у Страбона см. Strabonis Geographica, Car. Müllerus I, 281).

Славяне, занявшие область между Стримономъ и Нестомъ уже въ VII в. (Дриновъ, Заселеніе Балк. полуостр. славянами 165), могли заимствовать сл. Ὀρβήλος, какъ географическій терминъ и затѣмъ измѣнить его въ *Урвинъ*, во 1-ыхъ, въ силу сближенія съ туземными словами отъ корня *рѣ* (сравни. болг. *урва*, сербск. урвина *topz rgaesers*, стар.-слав. *оурвище*), во 2-ыхъ, въ силу чисто-фонетическихъ причинъ: примѣры измѣненія *о* на *у* въ болгарск. яз. см. у Лаврова, Обзоръ, 52, у Кульбакина, Матеріалы для характеристик. ср.-болг. яз. Изв. Отд. рус. яз. и слов. И. А. Н. т. IV, 851—852, — *л* на *н* у Лаврова, Обзоръ, 93. Страна, заключающая въ себѣ *Орвилъ* или Перинъ-дагъ, принадлежитъ къ весьма замѣчательнымъ мѣстностямъ въ исторіи южныхъ славянъ. Подвиги южныхъ славянъ начинаются въ ней уже въ VII в. (Дриновъ, Заселеніе, 165). Затѣмъ она играла роль въ историческихъ событіяхъ, сопровождавшихъ образованіе монархій Самуила, Стефана Душана. Съ ней связаны подвиги нѣсколькихъ героев южно-славянскихъ: Стрѣза въ XII в., Слава въ XIII в., Хрели въ первой полов. XIV в. Во второй половинѣ XIV в. здѣсь правилъ дядя Марка Кралевича кесарь Углеша. Въ эпоху покоренія южно-славянскихъ государствъ турками въ углѣ, образуемомъ Орвилломъ, Родопами и Балканомъ, сходились границы Болгаріи, Сербіи, Византіи и Турецкихъ владѣній въ Европѣ (Hammer Geschichte d. Osman. Reich. I, 177).

Такому пониманію Урвинъ-планины соотвѣтствуетъ представленіе о ней самой пѣсни про смерть Марка; съ Урвинъ-планины можно было съѣхать къ берегу моря, по которому было недалеко доѣхать и до Аѳона.

Приурочивая смерть своего національнаго героя къ Урвинъ-планинѣ, что бы ни разумѣть подъ этимъ именемъ, южно-славянскіе пѣвцы подчинялись не одной только ассоціаціи знакомыхъ образовъ, которую вызывало собственное имя «Ровинъ», но, повидимому, находились еще подъ вліяніемъ готоваго эпическаго сюжета, бывшаго достояніемъ традиціоннаго творчества не только южныхъ славянъ, но и другихъ народовъ Европы. На этотъ послѣдній указываетъ слѣдующее сравненіе. Пѣсня о смерти Марка на Урвинъ-планинѣ оказывается сходной съ разсказомъ *La Chanson de Roland* о смерти Роланда (Строфы СХСVIII—ССVI по изд. Gautier—строф. 170—178 по переводу гр. Де-ла-Барта).

Сходство между этими произведеніями состоитъ въ слѣдующемъ:

1. Смертельно раненый Роландъ, чувствуя близость кончины, идетъ на холмъ, стоящій на границѣ земли испанскихъ мавровъ, находить на немъ

два дерева и ложится подъ ними въ ожиданіи смертнаго часа (*La Chanson de Roland*, стихи 2265—2270). Потомъ, собравъ послѣднія усилія, перебѣгаетъ къ ели, падаетъ подъ нею на зеленую траву и умираетъ (*ibid.* строфа CCIV). Подобно этому и Марко Кралевичъ, предупрежденный вилой о близости смерти, взбѣзжаетъ на вершину Урвинъ-планины, находитъ тамъ двѣ высокія, развѣсистыя ели, ложится на травѣ подъ ними и умираетъ.

Если принять во вниманіе 2-ое и 3-ье толкованіе сл. Урвинъ-планина, то сходство сказаній въ избраніи мѣстъ для смерти Марка и Роланда состоитъ въ томъ, что оба героя выбираютъ пограничные возвышенные пункты, откуда открывался видъ на землю злыхъ враговъ ихъ отечества.

2. Какъ Марко, такъ и Роландъ плачутъ передъ смертью: Марко при мысли о разлукѣ со свѣтомъ, Роландъ — съ мечемъ Дюрандалемъ:

Виђе Марко, кад ће умријети,
Сузе проли, па је говорио:
«Лажив свјете, мој лијепи цв'јете!
«Л'јеп ти бјеше, ја замало ходах!
«Та за мало, три стотин' година!
«Земан дође, да св'јетом променим!»

Quand il (Roland) ço vit que n'en pout mie fraindre (Durendal),
A sei meïsme la cumencet à plaindre (*La Chans. de Rol.* стихи 2314—
2315, сравн. *ibid.* ст. 2342—2343).

3. Роландъ и Марко передъ смертью вспоминаютъ о своихъ хожденіяхъ по бѣлу свѣту:

Како бих се са Шарцем растао,
Кад сам прош'о земљу и градове
И обиш'о Исток до Запада,
Та од Шарца боъег коња нема,
Нит' нада мною боъега јунака?

Роландъ говоритъ о своемъ покореніи подъ власть Карла многихъ странъ — отъ Ирландіи и Шотландіи до Константинополя (строфа CCII).

4. Роландъ силится разбить свой мечъ для того, чтобы онъ не достался маврамъ:

Pur ceste espée ai dului' e pesance:
Mielz voeill murir qu'entre paiens remaignet
(стихи 2335—2337).

Марко Кралевичъ убиваетъ своего коня, ломаетъ мечъ и копье, а палицу боевую бросаетъ въ море, чтобы все это не досталось туркамъ:

Да му Шарац турком не допадне,
 Да турцима не чини измета,
 Да не носи воде ни ђугума. (ст. 76—78).
 Да му сабља турком не допадне,
 Да се турци њоме не поносе,
 Што је њима остало од Марка,
 А ришѡанлук Марка не прокуне. (ст. 83—86).

5. Роландъ передъ смертjю кается въ своихъ прегрѣшенjяхъ (строфа ССV): Марко въ искупленье своихъ грѣховъ и на поминъ души своей завѣщаетъ свое имущество на церкви и нищимъ, а третью часть его тому, кто предасть погребенjю его тѣло:

Један ђу му ђемер халалити,
 Што ђе моје тјело укопати,
 Други ђемер, — нек се пркве красе,
 Трећи ђемер кљасту и слијепу,
 Нек слијепи по свијету ходе,
 Нек пјевају и спомињу Марка. (ст. 107—112).

6. Роландъ умираетъ, обративъ свое лицо къ врагамъ Францiи, маврамъ:

Turnat sa teste vers la paiene gent:
 Pur ço l'ad fait que il voelt veirement
 Que Carles dieste trestute sa gent,
 Li gentilz quens, qu'il fut morz cunquerant.

(стихи 2360—2364).

Марко умираетъ, принявъ грозную позу по направленjю и отношенjю къ врагамъ, и прежде всего, конечно, къ туркамъ.

Скиде Марко зелену доламу,
 Прострије је под јелом на трави,
 Прекрсти се, сједе на доламу,
Самур-калпак на очи намаче,
 Доље леже, горе не устаде.
 Мртав Марко крај бунара био
 Од дан' до дан' нећелицу дана,
 Когођ прође друмом широкијем,

Те опази Краљевића Марка,
 Свако мисли, да ту спава Марко,
 Око њего далеко облази,
 Јер се боји да га не пробуди. (Стихи 117—129).

7. Моментъ смерти того и другого героя одинаково мирный и безмятежный: Марко «доѣе леже, горе не устаде» и Роландъ:

Desur sun braz teneit le chief enclin:
 Juintes ses mains est alez à sa fin. (Ст. 2391—2392).

8. Душу Роланда принимаютъ архангелы и херувимы и переносятъ въ свѣтлый рай: (стихи 2393—2395).

Тѣло Марка святогорскій игумень Василиј переноситъ на Святую Гору, въ Хиландарскій монастырь и предаетъ погребенію:

Насред б'јеле цркве хиландарске.

Конечно, приведенными сравненіями не рѣшается вопросъ о зависимости сербской пѣсни о смерти Марка на Урвинъ-планинѣ непременно отъ соотвѣтствующей пѣсни Роландова: цикла могли существовать въ обиходѣ средневѣковыхъ пѣвцовъ — вагантовъ, голиардовъ, трубадуровъ и проч. — отдѣльныя пѣсни на мотивъ разсмотрѣнныхъ поэтическихъ произведеній сербскаго и старо-французскаго творчества; но нельзя не замѣтить, что самое предположеніе о возможности захода сказанія Роландова цикла на Балканскій полуостровъ не должно представляться невѣроятнымъ. Извѣстность сказаній о Карлѣ Великомъ въ Византіи засвидѣтельствована уже Константиномъ Багрянороднымъ (А. Н. Кирпичниковъ, Разборъ перевода поэмы о Роландѣ гр. Де-ла-Бартъ. Отчетъ о присужд. Пушк. преміи въ 1897 г., стр. 69). Акад. А. Н. Веселовскій отмѣтилъ въ памятникѣ XVIII в. фактъ приуроченія Роланда къ Дубровнику (Die Rolandssage zu Ragusa Arch. f. Slav. Philologie V. 398—400). А Gidel указалъ въ памятн. XVI в. на приуроченіе того же героя къ Брюссѣ (Études sur la littérat. greque moderne, стр. 57—58).

Съ другой стороны, установленной параллелью подтверждается полная вѣроятность мнѣнія о томъ, что въ основѣ La Chanson de Roland лежатъ отдѣльныя пѣсни, небольшія кантилены, въ древнее время распѣвавшіяся профессиональными пѣвцами, а съ теченіемъ времени забытыя на своей родинѣ. Въ виду отсутствія во французскомъ устномъ и письменномъ творествѣ указаній на живые поэтическіе источники La Chanson de Roland, сохраненіе сербскимъ эпосомъ мотива, внесеннаго въ поэму, нельзя не признать знаменательнымъ фактомъ, доказывающимъ не лишній еще разъ,

сколько цѣннаго поэтическаго матеріала сохраняется въ славянскомъ героическомъ эпосѣ, являющемся живымъ поэтическимъ архивомъ для исторіи европейской поэзіи эпохи среднихъ вѣковъ.

По вопросу о мѣстѣ, гдѣ могли происходить это и подобныя этому сочетанія и преобразенія поэтическихъ мотивовъ въ новыя цѣльныя художественныя произведенія, было давно сдѣлано указаніе акад. А. Н. Веселовскимъ на сѣверо-зап. уголь Балканскаго полуострова, на Боснію и Герцеговину, гдѣ долѣе сохранялась національная независимость Сербовъ, долѣе было устно-поэтическое творчество интенсивнымъ и гдѣ скрещивались въ средніе вѣка два широкихъ культурныхъ теченія восточное и западное и гдѣ, слѣдовательно, были на лицо обстоятельства, благоприятствовавшія международной поэтической взаимности. Не нужно упускать изъ виду, однако, возможности такой же взаимности и въ южныхъ и юго-западныхъ мѣстностяхъ Балканскаго полуострова, въ собственно болгарскихъ историческихъ и этнографическихъ предѣлахъ. Можно думать, что крестовые походы особенно третій и четвертый и образованіе латинской имперіи сильно содѣйствовали культурному сближенію болгаро-славянскаго юга съ романскимъ западомъ. Несомнѣнно, на почвѣ славяно-романской взаимности произошло усвоеніе южно-славянскимъ эпосомъ романскаго эпического 10-ти сложнаго размѣра съ цезурой послѣ 4-го слога¹⁾ и вытѣсненіе имъ прежнихъ стихотворныхъ размѣровъ между прочимъ, повидимому, *Versus politici*, къ которымъ относятся какъ древнія церковно-славянскія стихотворенія, представляющія 12-ти-сложный политическій стихъ (акад. А. И. Соболевскій *Церковно-слав. стихотвор. IX и нач. X в. Спб. 1892 г.*), такъ и дожившія до XVII в. 15-ти и 16-ти сложные метры книжно-народныхъ эпическихъ произведеній хорватскаго Приморья и Дубровника, извѣстныхъ подъ названіемъ «бугарштиць», «бугаркинь», «бугарскихъ пѣсень» (*búgarštica, búgarština, búgarčinja, búgarka* и *búgarska pjesan. Rječnik jugoslav. akad. I, 715—716*)²⁾.

М. Халанскій.

Харьковъ, 1903 г.
Окт. 26 д.

1) См. Южно-славянскія сказанія о Кралевичѣ Маркѣ, стр. 769—772. Высказанныя мною здѣсь соображенія объ исторіи южно-славянскаго эпическаго стиха нашли сочувственный приемъ и дальнѣйшее развитіе у г. Шишманова (Пѣсень та за мрътвия братъ, стр. 135 слѣд.) и Цвѣткова Бѣлѣшки за болгарск юнашкия эпосъ *Периодич. Спис. 1901 г. дек. 722—724*).

2) См. О бугарштицахъ Рус. Филолог. Вѣстн., т. VII, стр. 121 слѣд. Южно-слав. п. о Крал. Маркѣ, стр. 777 слѣд. Шишмановъ Критиченъ Прѣгледъ на вопр. за произхода на прабългарите сборн. за нар. умотвор., т. XVI—XVII, стр. 706.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ
С.-Петербургъ, Іюнь 1904 г. Непремѣнный Секретарь, Академикъ Н. Дубровинъ.

Типографія Императорской Академіи Наукъ (Вас. Остр., 9 лин., № 12).

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

OCT 25 1958 H

3
APR 18 1973 H
DUE MAR 74 H

